

АНДРЕЙ
ЗАХАРОВ

«Бремя черного человека»: краткий очерк истории нигерийской федерации¹

Когда бы ни встретились два нигерийца, их разговор в конечном счете обязательно сведется к горьким сетованиям на то состояние, в котором пребывает нация.

ЧИНУА АЧЕБЕ²

Одной из фундаментальных особенностей бытования федерализма в Африке можно считать его теснейшую связь с так называемым «национальным вопросом». Майкл Бёрджесс пишет:

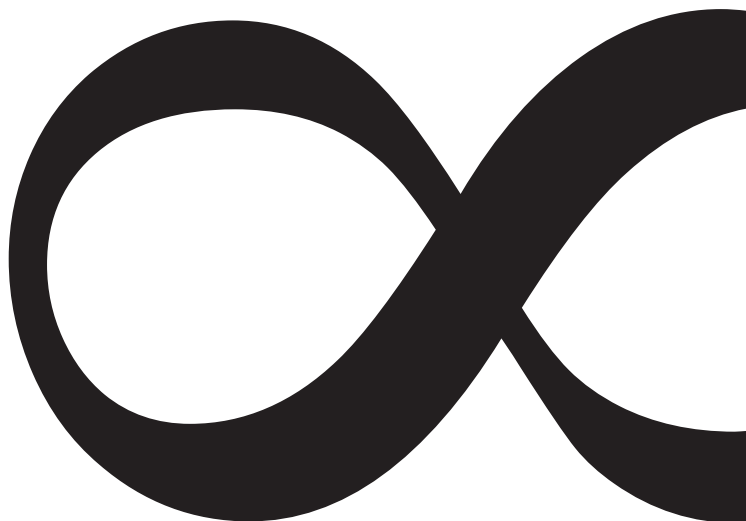
«Исторически федералистская идея не раз использовалась для разрешения конфликта между единством и разнообразием, и по этой причине в африканском контексте внутригосударственный федерализм всегда рассматривался как чуть ли не единственный способ, позволяющий вписать племенное, этническое и языковое разнообразие в рамки единой политической системы»³.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00123.

² АЧЕБЕ С. *The Trouble with Nigeria*. London; Nairobi: Heinemann, 1987. P. 2.

³ BURGESS M. *Federalism in Africa: An Essay on the Impacts of Cultural Diversity, Development and Democracy*. Montreal: Federal Idea – Quebec Think Tank on Federalism, 2012. P. 9.

CASE STUDY 2

Почти четыре десятилетия назад, в самый разгар африканских опытов на этом поприще, о том же говорил Биньямин Нойбергер:

«В африканском федерализме с самых ранних дней независимости акцентировались национальные сдержки и противовесы, этническое самоуправление и неприятие одноплеменной власти. Соответственно, институциональные сдержки и противовесы, демократическое самоуправление и неприятие однопартийного правления ему были не свойственны»⁴.

Действительно, почти во всех ситуациях, в которых африканские политики запускали федеративные проекты, ключевым мотивом выступало именно предотвращение или как минимум приглушение межэтнического конфликта. Привлечение федеративной модели для обустройства молодых государств, возникших по мере деколонизации, во всем мире мотивировалось прежде всего этим фактором, но в Африке его значение оказывалось особенно выдающимся. Мнение нигерийского политика 1960–1970-х, согласно которому «единственно приемлемой для специфических условий Нигерии является федеральная конституция, поскольку Нигерия – многоязычное и многонациональное государство»⁵, в полной мере применимо и ко многим другим федералистским начинаниям постколониальной поры. Как отмечают нынешние специалисты, страна по-прежнему «функционирует как социально-политическая лаборатория, снабжающая примерами и обеспечивающая уроками прочие национально разнообразные и религиозно плюралистичные общества», а «способность нигерийцев мирно сосуществовать друг с другом, неформально улаживая конфликты, зачастую недооценивается»⁶ – и это действительно так. Иначе говоря, нигерийский эксперимент вполне заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее – тем более, что о знаковом характере этого кейса говорят буквально все, кто имел с ним дело.

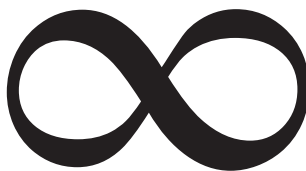
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

БРИТАНСКИЙ ФУНДАМЕНТ

Основы федеративной государственности в Нигерии были заложены еще британцами, причем, занимаясь этим, они не могли не учитывать выраженные особенности переустраиваемого владения. Территория, занимаемая Нигерией на современной

- 4 NEUBERGER B. *Federalism in Africa: Experience and Prospects* // ELAZAR D.J. (Ed.). *Federalism and Political Integration*. Lanham: University Press of America, 1984. P. 173.
- 5 Аволово О. *Размышления о нигерийской Конституции // История Африки в документах, 1870–2000. Т. 3: 1961–2000* / Под ред. С. Мазова, А. Давидсона. М.: Наука, 2007. С. 138.
- 6 CAMPBELL J., PAGE M. *Nigeria: What Everyone Needs to Know*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 7, 14–15.

карте мира, на протяжении своей истории не отличалась политической целостностью: в доколониальную эпоху она, как и многие другие области Африки, являла собой пестрый набор самостоятельных царств, халифатов, вожеств, империй, городов-государств⁷. Несмотря на интенсивные экономические связи, большинство из них развивались практически независимо друг от друга. Всем этим образованиям была присуща не только выраженная самобытность, но и неустанная вражда между собой: например, доминировавшая в XIX веке на нигерийском севере обширная империя фулани (халифат Сокото⁸) неоднократно покушалась на соседние земли, и лишь густые леса юга и запада, в которых мусульманская кавалерия не могла развернуться в полную мощь, спасали от ее экспансии более маломощные, хотя и более древние конгломераты, созданные йоруба, бини и другими народами. Основой для консолидации богатства и власти во многих местных государствах, причем не только северных, служила торговля рабами, в которую они были широко вовлечены на протяжении нескольких столетий⁹. Важно также иметь в виду, что с прекращением в первой трети XIX века трансатлантической работорговли купля и продажа людей в ареале Сахары никуда не делись: эти процессы на протяжении еще трех поколений продолжали формировать социально-политический, экономический и культурный облик будущей Северной Нигерии, привязывая ее к арабскому миру¹⁰.

После того, как Берлинская конференция 1884–1885 годов подтвердила заинтересованность Великобритании в освоении побережья Гвинейского залива, Лондон, используя торговую Королевскую компанию Нигера, приступил к методичному освоению сначала прибрежной зоны, а потом и глубинных районов будущей Нигерии. Как и в других частях планеты, подвергшихся британской колонизации, процесс сопровождался инспирируемым колонизаторами слиянием мелких политических образований и втягиванием их властителей в «договорные отношения» с британской короной; коммерсанты Королевской компании Нигера имели право заниматься подобными вещами, поскольку в 1886 году получили от королевы Виктории разрешение представлять ее интересы в общении с местным населением. (По словам нигерийского ученого, «капитаны британских

7 Подробнее о доколониальной государственности см.: FALOLA T., HEATON M. *A History of Nigeria*. New York: Cambridge University Press, 2008. Сл. 2–3; *История Нигерии в новое и новейшее время* / Под ред. Ю. И. Зотова, И. В. Следзевского. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. Гл. 1–2.

8 О становлении, эволюции и падении халифата см.: JOHNSTON H.A.S. *The Fulani Empire of Sokoto*. London; Ibadan; Nairobi: Oxford University Press, 1967; FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 62–73.

9 Подробнее о значении рабства в нигерийской истории см.: FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* Ch. 2; см. также работу о борьбе с работорговлей в юго-восточной Нигерии: FIGBO A.E. *The Abolition of the Slave Trade in Southeastern Nigeria, 1885–1950*. Rochester: University of Rochester Press, 2006.

10 См.: CAMPBELL J., PAGE M. *Op. cit.* P. 24–25.

судов, ходивших у побережья современной Нигерии, имели при себе типовые копии так называемых “договоров о протекции”, предлагаемых ими властителям и вождям племенных сообществ, с которыми они вступали в контакт». Как и следовало ожидать, позже представители постколониальных элит объявили эти договоры «документами сомнительной силы»¹¹.) Заверенные местными вождями бумаги «передавали Соединенному Королевству политический суверенитет над территорией подписантов, позволяя британцам контролировать их внешние связи и вмешиваться во внутренние дела в интересах мира и свободной торговли»¹².

Центростремительные тенденции окончательно взяли верх после того, как в 1900 году королевская администрация сменила коммерческую структуру в роли политического покровителя южной и северной частей того пространства, которое позже будет названо «Нигерией»¹³: в результате появились Южный и Северный протектораты. К тому моменту Королевская компания Нигера уже давно критиковалась за насаждение торговой монополии, в 1889–1891 годах ее злоупотребления расследовались в парламенте, в 1894-м одно из разоренных ею речных племен разгромило ее штаб-квартиру в городе Акасса, убив (и съев) нескольких европейцев, а в 1899-м она лишилась королевской хартии. Как отмечает историк Ниал Фергюсон, «трансформация торговой монополии в протекторат была типичной для “драки за Африку”»: этот процесс повторялся на континенте многократно¹⁴. В 1903 году, подчинив северный халифат Сокото, англичане завершили территориальное оформление своего очередного приобретения. В 1914-м обе административные единицы, северная и южная, а также основанная еще в 1861 году колония Лагос (в 1906-м ее включили в состав Южного протектората) были интегрированы колонизаторами в одно политическое образование. Как и предписывалось британскими обыкновениями, в первую очередь Вестминстер санкционировал создание в нем местной ассамблеи, состоявшей из тридцати европейцев и шести нигерийцев. И, хотя эта институция, не обладавшая ни законодательными, ни исполнительными функциями, была чисто совещательным органом, ее расовый

11 NATUFE I. *The Amalgamation of Nigeria and the Quest for a Nation // Федерализм в Африке: проблемы и перспективы* / Под ред. И. НАТУФЕ, Х. Турьинской. М.: Институт Африки РАН, 2015. С. 98–99.

12 О деятельности Королевской компании Нигера см.: FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 98–104, цит. по: P. 98.

13 Изобретателем этого географического термина выступила журналистка Флора Шоу, впервые использовавшая его в публикации в «The Times» в начале 1897 года. Через несколько лет она вышла замуж за Фредерика Лугарда, сотрудника Королевской компании Нигера, позже ставшего первым генерал-губернатором Нигерии. До той поры никакого обобщающего названия для этих земель не существовало. См.: HILL J.N.C. *Nigeria since Independence: Forever Fragile?* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. P. 128.

14 FERGUSON N. *Empire: How Britain Made the Modern World*. London: Penguin Books, 2004. P. 229; рус. перев.: ФЕРГЮСОН Н. *Империя: чем современный мир обязан Британии*. М.: АСТ; CORPUS, 2014. С. 316.

состав наперед предопределял ту манеру, в какой суждено было выковываться нигерийскому федерализму: его несущие конструкции монтировались практически без участия африканцев.

Это была далеко не единственная оставленная британцами «родовая травма», с которой позже пришлось разбираться властям и народам независимой Нигерии. Еще более фундаментальным из доставшихся им дефектов новоявленного политического дизайна была нарочитая искусственность свежего объединения:

«Границы, прочерченные в ходе создания современной Нигерии, никогда не имели ни малейшего геофизического или социального смысла для народов, населявших регион. Очертания Нигерии на современных картах относительно произвольны, поскольку они кроились волей европейских политиков, а не социальной эволюцией локальных сообществ»¹⁵.

Колонизаторы, как не раз подчеркивали местные ученые, вовсе не ставили своей целью создание сплоченного нигерийского сообщества: приоритетными были интересы британской казны, которая хотела избавиться от необходимости финансировать управленческие структуры отсталого и аграрного Севера, переложив это бремя на более передовой и торговый Юг¹⁶. Безусловные удобства администрирования, однако, не компенсировали глубочайшей разнородности двух частей колонии, каждая из которых – вполне объяснимо – сохраняла выраженную самобытность:

«В доколониальном прошлом территории будущего союзного государства не имели опыта пребывания в составе единого государственно-политического образования и развивались как полностью самостоятельные, изолированные в этническом и культурно-религиозном отношении регионы с собственными традициями и институтами, нормами хозяйственной деятельности»¹⁷.

Разумеется, этот факт сказывался и на установках местных политиков. Вполне показательной, в частности, можно считать следующую сентенцию, прозвучавшую из уст одного из депутатов колониальной легислатуры в ходе бюджетной сессии 1948 года:

«Многие обманывают себя, считая Нигерию чем-то нераздельным. Но эта целостность искусственна, она заканчивается прямо за дверьми палаты. Южные племена, пытающиеся обосноваться на

15 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 17.

16 KALU K.N. *State Power, Autarchy and Political Conquest in Nigerian Federalism*. Lanham: Lexington Books, 2008. P. 37.

17 Каменская Г.В. *Федерализм: мифология и политическая практика*. М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1998. С. 73.

Севере, не смешиваются с местными народностями, а мы, северяне, видим в них захватчиков. Нигерийское единство есть лишь благое пожелание британцев»¹⁸.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

Подобные позиции разделялись и теми деятелями, кто непосредственно обеспечивал переход к независимости. В 1952 году Абубакар Тафава Балева, видный политик-северянин, спустя пять лет назначенный первым премьер-министром колонии, а еще через три года ставший главой правительства независимой Нигерии, заявлял:

«С самого слияния 1914 года британское правительство пыталось превратить Нигерию в единую страну, но нигерийский народ разнороден во всем, включая религию, привычки, язык, устремления. [...] Мы, северяне, считаем, что все это “нигерийское единство” не для нас»¹⁹.

Кстати, на северных территориях накануне независимости бытовало мнение, согласно которому политическое единство двух разнородных кусков страны можно будет гарантировать только посредством обращения всех нигерийцев в ислам. На протяжении исторического пути независимой Нигерии об этой нарочитой самодостаточности северян вспомнят еще не раз: в частности, именно на нее в конце 1960-х ссылались сепаратисты Биафры, обосновывая сецессию своего региона²⁰. Наконец, к сказанному можно добавить, что под великим разломом по линии «Север – Юг» таились еще десятки разломов, дробящих и раскалывающих оба этих больших сегмента.

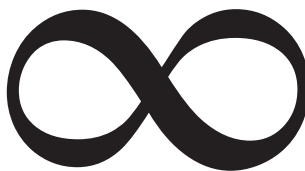
Другая проблема была связана с тем, что, управляя непохожими друг на друга регионами, европейские чиновники применяли к ним разные подходы. На мусульманском Севере, где еще до прихода европейцев успели сформироваться сложные административные механизмы, преобладали такие методы косвенного управления, которые предусматривали самые широкие prerogatives местных владык. В этом плане приход колонизаторов сказался на здешних иерархических пирамидах не слишком существенно – в них просто менялось верховное начальство: «если раньше эмиры Северной Нигерии получали власть из рук султана Сокото, то теперь они наделялись аналогичной властью английской администрацией»²¹. Из-за этого мусульманские эмираты хауса-фулани британцами не

18 Стенограмма парламентской сессии цит. по: OSADOLOR O.B. *The National Question in Historical Perspective* // МОМОН А., АДЕЖУМОВИ S. (Eds.). *The National Question in Nigeria: Comparative Perspective*. London; New York: Routledge, 2018. P. 35.

19 Цит. по: NATUFE I. *Op. cit.* С. 99–100.

20 См., например, пропагандистский памфлет, изданный правительством Республики Биафра: *Nigeria and Biafra: The Parting of the Ways*. Enugu, Republic of Biafra: The Government Printer, MCMLXVII [1967]. P. 1.

21 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 115.

только не разрушались, но сохранялись в неприкосновенности и даже поддерживались. Так, Фредерик Лугард, сотрудник Королевской компании Нигера, и его преемники долгое время строго ограничивали доступ христианских миссионеров в исламские регионы Севера; и, хотя в результате обитатели Северной Нигерии лишались доступа к европейскому образованию, здешние эмиры были очень довольны. Что же касается мигрантов-южан, перебивавшихся на Север, то им приходилось существовать в условиях сегрегации, проживая обособлено от мусульман в так называемых «кварталах пришлых» (*sabon gari*) и обучая своих детей в отдельных школах; кроме того, им не позволялось приобретать землю и владеть ею. Вместе с тем, поставив себе на службу местные административно-управленческие структуры, колонизаторы последовательно пресекали те присущие им практики, которые британскому сознанию казались «дикими» и «варварскими»: скажем, поощряя использование шариата, они не позволяли тем не менее отрубать конечности ворами или побивать камнями прелюбодеев. Более того, решения шариатских судов можно было – по крайней мере теоретически – оспорить в колониальных судебных учреждениях, а подданные короны вообще были выведены из-под их юрисдикции²².

На христианском и языческом Юге дело обстояло иначе, поскольку тут традиционные институты либо не смогли пережить колонизацию, либо не успели кристаллизироваться. В то время, как «фуланийская империя по африканским стандартам имела чрезвычайно развитые управленческие структуры», в южных регионах «статус традиционной власти был сильно подорван европейским влиянием еще в первый период британского проникновения»²³. В результате в южной, и в особенности юго-восточной, части Нигерии непосредственное присутствие европейцев всегда оставалось более ощутимым, а косвенное управление не выглядело столь же натуральным, как в северных территориях. Попытки англичан сформировать здесь новую страту «назначаемых вождей» и наделить последних функциями, отсутствовавшими у традиционных правителей – например, возложить на них взимание налогов с населения, – не встречали понимания подданных и отторгались ими²⁴. Подобное положение вещей обеспечивало местным жителям особое положение в нигерийском обществе, о чем, в частности, пишет нигерийский писатель Чинуа Ачебе:

22 CAMPBELL J., PAGE M. *Op. cit.* P. 29.

23 СУРЯПИН С. *Эволюция косвенного управления в Юго-Восточной Нигерии: система «назначенных вождей»* // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4(51). С. 113–114.

24 Подробнее о сботах косвенного управления на нигерийском Юге см.: FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* Ch. 5.

«Культура игбо, всегда поощрявшая восприимчивость к переменам, индивидуализм и состязательность, предоставляла ее носителям неоспоримое преимущество перед соотечественниками. Продвигая себя в нигерийском колониальном обществе, игбо не были придавлены ни суровой религией, как хауса-фулани, ни традиционными иерархиями, как йоруба»²⁵.

Отталкиваясь от подобных предпосылок, некоторые современные исследователи напрямую связывают между собой практики косвенного управления XIX века и гражданскую войну XX века²⁶.

Все это приводило к весьма противоречивым последствиям. С одной стороны, к моменту предоставления независимости северяне располагали солидным потенциалом социального действия и политической мобилизации – народные массы Севера были более управляемыми. С другой стороны, бóльшая подверженность южан европейским влияниям и, в частности, наличие среди них множества христиан позволяли им в приоритетном порядке занимать те места в управленческих структурах, которые отводились колонизаторами для чернокожих. Как отмечают историки, «с 1890-х умение читать и писать по-английски стало краеугольным камнем для выстраивания карьеры типичным представителем местного среднего класса»²⁷. Однако, если на Юге, например, перепись 1921 года зафиксировала наличие 32 тысяч граждан, получивших европейское образование, а количество действующих школ составляло 2200, то на Севере в тот же период практически не было ни того ни другого. В более поздние времена этот перепад самым роковым образом сказался на таком важнейшем государственном институте, как вооруженные силы: англичане, стремясь поддержать опекаемый ими Север экономически, широко привлекали на армейскую службу местных мусульман, но при этом в офицерском корпусе складывалась мощная прослойка из более образованных и лучше подготовленных христиан. Именно в силу сказанного «к провозглашению независимости вооруженные силы республики были укомплектованы в основном северянами, но возглавлялись по большей части южанами – в особенности игбо из Восточного региона»²⁸. Этот фактор в полной мере дал знать о себе в эпоху нигерийских военных переворотов 1960–1980-х.

25 АСНЕВЕ С. *Op. cit.* P. 46.

26 См., например: DAS A. *The Inseparable Ties with the Past: Indirect Colonial Rule in Nigeria and the Biafra War* // KORIEN C.J. (Ed.). *New Perspectives on the Nigeria-Biafra War: No Victor, No Vanquished*. Lanham: Lexington Books, 2021. P. 45–55.

27 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 127.

28 *Ibid.* P. 166.

Перепады, обособлявшие Север и Юг друг от друга, сохранялись и в организации самого колониального владычества. Нигерийская Конституция 1922 года (так называемая «Конституция Клиффорда»²⁹) расширила местную легислатуру до 46 членов, десять из которых были избираемыми. Важно подчеркнуть, что в число избираемых депутатов попали не только белые: три чернокожих депутата направлялись в законодательный совет мужским населением Лагоса, а еще один депутат – мужским населением Калабара. Для британской Африки это был первый случай выборного присутствия местных жителей в колониальной легислатуре³⁰. Более того, отныне этот орган мог заниматься ограниченным законотворчеством, принимая нормативные акты, действующие на территории бывшей колонии Лагос и южных провинций. Северные провинции, однако, продолжали напрямую управляться британским губернатором, опиравшимся на традиционные элиты. В 1939 году колониальная администрация сделала еще один шаг, обернувшийся самыми серьезными последствиями в дальнейшем: оставив нигерийский Север в неприкосновенности, Лондон разделил нигерийский Юг на две части – восточную и западную. Эта нарезка была закреплена в следующем Основном законе колониальной поры – в «Конституции Ричардса» (1946). С формальной точки зрения федерализм в этом акте пока отсутствовал, хотя первые его ростки уже появились. Помимо того, что законодательный совет во главе с генерал-губернатором был превращен в общенациональный орган, а представительство коренных жителей в нем было расширено – на их долю теперь приходилось более половины мандатов, – в колонии учреждались отдельные региональные легислатуры для Севера, Востока и Запада. Этим институциям вменялось в обязанность заниматься – правда, под надзором британских чиновников – вопросами местного значения. Хотя нигерийские историки склонны критиковать это новшество, указывая на то, что тогдашние областные парламенты «не имели практически никаких полномочий»³¹, оно объективно способствовало становлению политической субъектности нигерийских регионов. Исходя из сказанного вполне можно согласиться с мнением, что «само понятие “регионального”, закрепленное в “Конституции Ричардса”, послужило фундаментом для последующего выстраивания в Нигерии федеральной системы управления»³².

29 Каждой нигерийской конституции колониальной поры присваивалось имя британского губернатора, в правление которого она принималась.

30 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 134.

31 См.: NATUFE I. *Op. cit.* С. 100.

32 ADENIRAN O. *Nigeria (Federal Republic of Nigeria) // GRIFFITHS A., CHATTOPADHYAY R., LIGHT J., STIEREN C. (Eds.). The Forum of Federations Handbook of Federal Countries 2020. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 257.*

Процесс был продолжен в 1951 году, когда в результате внесения поправок в «Конституцию Ричардса» на свет появилась «Конституция Макферсона»: согласно обновленному Основному закону колонии, три региона получали возможность делегировать своих представителей в два новых органа: Совет министров в составе восемнадцати членов (двенадцать из них были нигерийцами) и Палату представителей в составе 142 депутатов (136 из которых были нигерийцами). Квоты регионов и в исполнительном, и в законодательном органе были равными, а отбор кандидатов поручался региональным легислатурам. Кроме того, эти легислатуры могли и законодательствовать в некоторых вопросах регионального значения – правда, с губернаторского одобрения. Народившиеся на рубеже 1940-х и 1950-х местные политические партии по большей части критиковали Конституцию 1951 года – в основном из-за того, что ее разрабатывали и совершенствовали без привлечения нигерийских специалистов. Такая критика, однако, в ретроспективе кажется не совсем добросовестной, поскольку, во-первых, Нигерия того времени почти не имела собственных юридических кадров, а во-вторых, обе версии Конституции – и 1946-го, и 1951-го – внесли неоспоримый вклад в приобщение нигерийских элит к федеративному устройству. Благодаря именно этой «конституционной гимнастике» к середине 1950-х будущие лидеры независимой Нигерии, несмотря на свою племенную, языковую, территориальную и религиозную разнородность, в большинстве своем уже воспринимали федерализм в качестве единственного базиса, способного обеспечить устойчивость их страны после ухода британцев. Кроме того, Конституция 1951 года впервые санкционировала проведение в колониальной Нигерии всеобщих выборов.

Главные проблемы, дебатировавшиеся в политическом и научном сообществе на протяжении десятилетия, которое предшествовало независимости, касались того, сколько составных частей должно быть в будущем суверенном государстве и по какому принципу их нарезать. Собственно, все разнообразие мнений сводилось к двум базовым позициям: согласно первой, за основу выстраиваемой федеративной конструкции предлагалось взять те самые три региона – Север, Восток и Запад, – которые и без того уже использовались в качестве административных единиц; согласно второй, количество сегментов федерации следовало существенно увеличить, наделив политической субъектностью максимальное число местных этнических и лингвистических групп. Региональные политики и региональные партии – а иных в тогдашней Нигерии, собственно, и не было – высказывались на этот счет по-разному.

С одной стороны, мусульманский Север поддерживал трехчленную схему, но при этом настаивал на том, чтобы все законопроекты, рассматриваемые федеральным парламентом, предварительно обсуждались в региональных легислатурах.

«Проект английского губернатора отвечал настроениям политиков Северного региона, проявивших готовность скорее поддержать план слабого конфедеративного договора с Югом, нечто вроде нигерийского общего рынка, чем прочный союз с обширными полномочиями федерального правительства – из опасения, что места в административном аппарате столицы и регионов, в том числе и самого Севера, заполнят более квалифицированные, образованные и мобильные южане»³³.

Лидеры северян, в том числе и будущий премьер-министр Абубакар Тафава Балева, высказывали опасения по поводу того, что степень готовности регионов к федеративным порядкам слишком разная и что подгонять отстающих – имелись в виду именно северяне, консервативные и патриархальные, – не стоит. Их можно было понять: местные политики «осознавали, что не имеющий выхода к морю Север вынужден сотрудничать с йоруба и игбо с Запада и Востока, но согласиться с централизованной управленческой системой они не могли»³⁴.

С другой стороны, христианизированный Запад пропагандировал подход, который условно можно назвать «вильсоновским»: он предполагал федеративное деление, призванное самым всесторонним образом учесть этническое и лингвистическое разнообразие колонии. Обафеме Аволово, один из политических лидеров йоруба, в 1947 году писал:

«В условиях подлинного федерализма к малым и большим группам следует относиться одинаково, несмотря на их численность. Каждая из них заслуживает автономии в решении своих внутренних вопросов, и у каждой должен быть собственный региональный парламент»³⁵.

Что же касается Востока, то позиция доминировавших там элит игбо предполагала, по крайней мере поначалу, высокоцентрализованный федерализм – который спустя десятилетия и взял верх.

Тем не менее главным «держателем акций» во всей этой истории было британское министерство по делам колоний: именно его позиция в конечном счете оказалась определяющей. Выстраивая свою линию, Лондон исходил из трех постулатов: во-первых, многоуровневая гетерогенность Нигерии предписы-

33 КАМЕНСКАЯ Г.В. *Указ. соч.* С. 82.

34 KENDLE J. *Federal Britain: A History*. London; New York: Routledge, 1997. P. 145.

35 Цит. по: NATUFE I. *Op. cit.* С. 102.

вает ей федеральную форму правления; во-вторых, наделение политической субъектностью не только «большой тройки», а всех более или менее крупных нигерийских групп повлечет за собой фрагментацию политики и дестабилизацию экономики; наконец, в-третьих, необходимо уважать желание Севера самостоятельно вершить собственные дела, избегая избыточно централизованного федерализма³⁶. (Последнее не было пустым опасением: в 1950 году Северный регион уже угрожал покинуть федерацию, если ему не гарантируют равную с Югом норму политического представительства.)

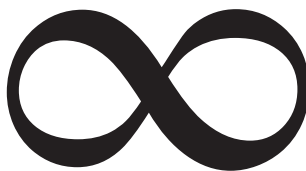
В 1954 году с одобрения британского парламента была принята первая Конституция, провозглашавшая колонию федерацией («Конституция Литтлтона»). В ее состав входили три региона и федеральный округ Лагос. Законодательную власть в федеративном государстве осуществляла однопалатная легислатура, состоявшая из 184 депутатов, 92 из которых представляли Север, 42 и 42 – Восток и Запад, шесть – Британский Камерун, административно подчиненный Нигерии, и два – федеральный округ Лагос. Федеральные министерства комплектовались лидером победившей на общенациональных выборах партии, а еще четыре министра делегировались законодательными собраниями каждого из трех регионов, а также Британского Камеруна. В то время как федеральный центр оставлял за собой внешнюю политику, оборону и безопасность, регионы отвечали за начальное и среднее образование, сельское хозяйство, здравоохранение и местное самоуправление. Предполагалась также сфера совместной компетенции, включавшая регулирование экономического развития, рынка труда, высшей школы. Правовая система и публичная служба были регионализированы. Иначе говоря, этот этап вполне можно назвать классикой федералистского жанра; единственным отступлением от общепринятого на тот момент стандарта было то, что площадкой территориально-административного переустройства становилась не очередная колония, основанная белыми поселенцами, а самая что ни на есть черная колония. В целом же нигерийский случай представлял собой «федерацию через разукрупнение» (*federation by disaggregation*)³⁷.

Родовые травмы Первой Республики

В принципе, врожденные пороки нигерийского федерализма, сполна проявившиеся после выхода страны из-под колониальной власти, начали обнаруживаться уже в 1955–1960 годах,

36 См.: KENDLE J. *Op. cit.* P. 145–146.

37 ADENIRAN O. *Op. cit.* P. 258.

по мере того, как три федерирующихся региона понемногу приспосабливались к новообретенному статусу самоуправляющихся территорий. К моменту провозглашения полной независимости от Великобритании, которое состоялось 1 октября 1960 года, уже было очевидно, что каждый из регионов, «оставшихся почти полностью самостоятельными социально-политическими единицами»³⁸, контролируется одной из трех основных этнических групп, на тот момент в совокупности составлявших две трети населения страны: хауса-фулани (Север, 29%), игбо (Восток, 18%) и йоруба (Запад, 21%). По оценкам этнографов, в Нигерии проживают около 250 лингвистических групп, причем более 65% населения составляют три вышеупомянутых крупнейших этноса, а шесть следующих за ними крупных групп дают в совокупности еще 25%. Не исключено, что как раз этим и диктовался замысел британских творцов федерации, стремившихся сузить поле потенциальных конфликтов, казавшихся неизбежными в столь пестрой среде. Но они не предвидели (или не захотели предвидеть), что каждая группа, опираясь на свое региональное господство, включится в жесткую борьбу за федеральный центр, попутно подавляя в подконтрольных региональных парламентах политическое представительство меньшинств, не входящих в «большую тройку».

Для Африки такие конфликты были типичным заболеванием, обычно сопровождавшим развитие новых государств, которые населены более или менее равновеликими этническими группами, хотя нигерийский случай усугублялся крайней разобщенностью составных частей новорожденной федерации. Как и в родезийской ситуации, Лондон привычно рассматривал различные сегменты своего владения в качестве самостоятельных колоний, и «вплоть до 1946 года нигерийцы, проживавшие в двух частях страны, почти не имели административных или политических контактов друг с другом»³⁹. Именно в этом состояла главная причина, заставлявшая мусульманский север Нигерии с большим подозрением относиться к идее независимости; с определенного момента ее пропагандировала Великобритания, которая пыталась поскорее избавиться от колониальных обременений. Дело усугублялось еще и тем, что за послевоенные годы в Нигерии так и не сложилось общенациональное движение, добывающееся политической эмансипации; соответственно, и политических лидеров, готовых пожертвовать местными или региональными приоритетами ради процветания колониальной нации как целого, там тоже не было.

38 DIKSHIT R.D. *The Political Geography of Federalism: An Inquiry into Origins and Stability*. New Delhi: The Macmillan Company of India, 1975. P. 211.

39 PADEN J. *Muslim Civic Cultures and Conflict Resolution: The Challenge of Democratic Federalism in Nigeria*. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2005. P. 37.

Указывая на описанную выше ситуацию, некоторые местные ученые утверждают, что населяющие британскую Нигерию пестрые группы только выиграли бы в том случае, если бы местные политические активисты в 1960 году отвергли проект единого государства и пошли своими самостоятельными путями. «Изумляет и удручает то, как нигерийские лидеры с Востока, Запада и Севера, осуждая слияние 1914 года как “фарс”, “обман” или “ошибку”, одновременно всеми силами пытались этот беспорядок легитимировать», – пишет Игхо Натуфе. С его точки зрения, нигерийцам следовало бы взять за образец чернокожих жителей Северной и Южной Родезии, а также Ньясаленда, отвергших навязанный колонизаторами федеративный союз и выбравших независимость⁴⁰: нигерийские элиты «допустили фатальный просчет, не позволив исправить допущенную в 1914 году ошибку, когда для этого представилась подходящая возможность»⁴¹. Если учесть все те метаморфозы, которые были пережиты нигерийской федерацией в дальнейшем, подобные заявления покажутся небезосновательными.

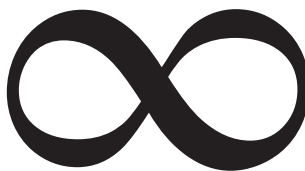
Получив независимость, Нигерия за первые три года своего существования сменила две Конституции. В интересующем нас контексте главным отличием Основного закона 1960 года от Основного закона 1963 года стало то, что во второй из упомянутых Конституций британская королева формально перестала быть главой государства, уступив верховенство республиканским властям. При этом обе эти Конституции оставались федеральными по своей сути, поскольку учреждали в стране сильные регионы (в 1960-м их было три, а в 1963-м четыре: из территории западной Нигерии был выкроен Средне-Западный регион), располагающие собственными конституционными хартиями и органами государственной власти. В бывшей колонии устанавливалась парламентарная форма правления вестминстерского типа, предусматривавшая наличие сильной легислатуры и слабого президента. Глава государства избирался на пять лет двухпалатным федеральным парламентом, а проводимая им политика зависела от депутатской поддержки⁴².

Новорожденная федерация, вступающая в большую жизнь с немалым оптимизмом, удивляла исследователей по меньшей мере двумя своими особенностями, противоречившими друг другу. С одной стороны, специфической чертой Нигерии выступало то, что многочисленные этнические группы проживали здесь в основном *компактно*, а не *рассеянно*, как во многих

40 О печальном федеративном опыте союза двух Родезий и Ньясаленда см. мою статью: ЗАХАРОВ А. *Федерация Родезии и Ньясаленда в исторической перспективе: белые начинают и проигрывают* // Неприкосновенный запас. 2022. № 5(145). С. 178–203.

41 NATUFE I. *Op. cit.* С. 106.

42 ADENIRAN O. *Op. cit.* P. 258.

других постколониальных государствах – причем численно доминирующий этнос в стране вообще отсутствовал. Это очевидно снижало конфликтный потенциал сложносоставного нигерийского социума, поскольку теоретически в нем должно было действовать правило «все в меньшинстве», сдерживающее политическую конкуренцию. Но, с другой стороны, согласившись на завещанную британцами крупномасштабную территориально-административную нарезку, федерация собственными руками дезавуировала только что упомянутый залог своей стабильности, поскольку, во-первых, в каждом из трех полиэтничных субъектов выделялась *доминирующая* этническая группа (хауса-фулани на Севере, йоруба на Западе и игбо на Востоке), а во-вторых, один из этих субъектов – а именно Север, – одолевал бывший Юг (ныне Восток плюс Запад) как по численности населения, так и по территории, что не могло не побуждать северян к «захвату» федерации⁴³. (Согласно официальным данным, к моменту провозглашения независимости на долю Севера приходились 53,8% нигерийского населения и 75% нигерийской территории⁴⁴.) Более того, дело усугублялось еще и тем, что колонизаторы, уходя, оставили нигерийцам сформированную за десятилетия своего господства систему ранжирования лояльности местных сообществ: хауса-фулани считались в ней приоритетной группой, которой, несмотря на традиционализм и отсталость, можно доверять важные управленческие рычаги; следующими кандидатами на доступ к власти рассматривались йоруба, за ними шли игбо и так далее. Специалисты вполне обоснованно указывают, что эта этническая иерархия сохраняла «определяющее значение для постколониальной истории страны на всем ее протяжении»⁴⁵.

В 1960-х и 1970-х африканские лидеры, опиравшиеся на свои этнические группы, повсеместно сражались между собой за контроль над центральными органами власти новорожденных государств, и нигерийская федерация отнюдь не стала исключением из этого правила. Кстати, почти во всех случаях краха африканских федералистских экспериментов без труда «можно обнаружить ту или иную группу, которой, в конечном счете, удавалось взять федеральный центр под свой контроль, оставив проигравшей стороне единственное “институциональное” решение – роспуск федерации»⁴⁶. Бесспорно пагубную роль в нигерийской динамике сыграло и то обстоятельство, что

43 См.: КАМЕНСКАЯ Г.В. *Указ. соч.* С. 77; KENDLE J. *Op. cit.* P. 146.

44 DIAMOND L. *Class, Ethnicity and Democracy in Nigeria: The Failure of the First Republic*. Houndmills: The Macmillan Press, 1988. P. 24.

45 БОНДАРЕНКО Д.М. *Постколониальные нации в историко-культурном контексте*. М.: ЯСК, 2022. С. 56.

46 FILIPPOV M., ORDESHOOK P., SHVETSOVA O. *Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 65.

в Нигерии федеративное устройство, оказавшееся, как в бывшем Советском Союзе, национально-территориальным, дополнялось многопартийной системой вестминстерского типа. Стимулирование партийной конкуренции в среде, где базовые типы общественной солидарности сводились к привязанности к собственной лингвистической или племенной группе, ожидаемо выливалось в то, что «никакая другая электоральная стратегия не могла в плане эффективности сравниться с манипуляциями, объектами которых выступали этнические чувства и предрассудки»⁴⁷. Как следствие, еще в колониальную эпоху зарождающийся общенигерийский национализм диссоциировался, распавшись на несколько конкурирующих национализмов, с разной степенью интенсивности выяснявших отношения не только с колониальной системой, но и друг с другом.

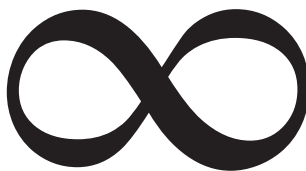
Инструментами, поддерживавшими подобный политический этос, выступили созданные на рубеже 1940-х и 1950-х партии, претендующие на представительство крупнейших этнических групп: «Народный конгресс Севера» – НКС (хауса-фулани), «Группа действия» – ГД (йоруба), «Национальный совет Нигерии и Камеруна» – НСНК (игбо)⁴⁸. Причем вопреки ожидаемому общая картина отнюдь не была примитивно трехчленной, оказываясь гораздо сложнее и наделяя политическое бытование новорожденного государства некоторыми весьма специфическими чертами. Дело в том, что на территории каждого из входящих в федерацию регионов проживали довольно многочисленные этнические меньшинства, которые, желая обезопасить себя от доминирования групп «большой тройки» и стремясь получить доступ к ресурсным базам молодой нации, с самого основания независимой государственности требовали той или иной степени автономии. Поскольку в совокупности на них приходилась почти треть нигерийского населения, в каждой административной области они оказывались значимой политической силой, с которой «тяжеловесы» неизменно вынуждены были считаться. Иными словами, как констатировал Ларри Даймонд, «демографический баланс этнических групп внутри каждого региона превращался в важный фактор нигерийской политики»⁴⁹.

Хорошую иллюстрацию в этом отношении предоставляет НКС. Эта партия, прочно опираясь на аристократические семейства бывшего государства Сокото, тем не менее остро нуждалась в конструктивном взаимодействии с этнолингвистичес-

47 DIAMOND L. *Op. cit.* P. 41.

48 Базовую информацию о политических партиях Первой республики см. в справочнике: FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. *Historical Dictionary of Nigeria*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. Там же можно найти краткие биографии политических деятелей, упоминаемых в этом тексте.

49 DIAMOND L. *Op. cit.* P. 24.

кими меньшинствами, проживавших в Северном регионе, но за пределами исторических границ халифата. Внешне может показаться, что ублажение меньшинств северным нотаблям было не очень-то и нужно, поскольку созданная ими еще при колонизаторах политическая машина оставалась достаточно мощной для того, чтобы прочно удерживать власть в отдельно взятом территориальном сегменте страны. Однако после обретения независимости, изменившего правила политической игры, «без содействия со стороны “своих” меньшинств нельзя было установить чаемый контроль над федеральным парламентом, наперед предотвращающий любые покушения центральной власти на социальную систему Севера»⁵⁰.

К использованию меньшинств в корыстных интересах, которое сделалось особенно беззастенчивым после провозглашения республики, обращались и две другие группировки, входившие в тройцу ведущих партий. У всех ключевых игроков стратегия, применяемая внутри подконтрольных им регионов, была одной и той же: меньшинства, готовые взаимодействовать с правящим большинством, поощрялись, а не готовые сотрудничать, напротив, подавлялись. К меньшинствам же, проживающим у соседей, отношение было не столь однотипным: если йоруба и игбо, желая ослабить друг друга, а заодно и северян, неустанно занимались подстрекательством малых групп на чужих территориях, то хауса-фулани довольствовались лишь сдерживанием подобных сантиментов у себя дома, не вмешиваясь в дела соседей:

«В то время, как “Группа действия” и “Национальный совет Нигерии и Камеруна” с неистовством поддерживали сепаратистские устремления меньшинств за своими границами, [...] “Народный конгресс Севера”, равнодушно смотря на раскольническую активность на Юге, жестко расправлялся с ней на Севере»⁵¹.

В организационных моделях, где присутствуют три игрока, очень трудно договариваться о стабильных правилах взаимодействия:

«Системы, где взаимодействуют лишь три (или даже четыре) региона участника, почти не оставляют возможностей для позиционной гибкости, меняющихся коалиций, а также торга, переговоров и компромиссов, которые наличествуют в федеративных объединениях с большим числом субъектов»⁵².

Такие структуры неустойчивы, поскольку каждая входящая в триумвират сторона все время ждет неприятностей от парт-

50 Ibid. P. 39.

51 Ibid. P. 53.

52 Ibid. P. 294.

неров, в особенности опасаясь их объединения – против себя. Оказавшись в подобной ситуации, каждый участник разрабатывает специфическую тактику, нацеленную на обеспечение стратегического преимущества, иногда весьма замысловатую и многоходовую. Мусульманская элита хауса-фулани, соседствуя в одной политической системе с гораздо более передовыми, образованными и динамичными этническими группами, изначально ощущала экзистенциальные риски, заставлявшие ее размышлять об адекватных мерах противодействия конкурентам. В колониальный период Север стал своего рода социально-политическим заповедником, законсервированным и оберегаемым англичанами. Как отмечает Даймонд, «предвзятость колониальных властей в отношении “Народного конгресса Севера” даже не скрывалась», поскольку общей целью как Лондона, так и этой партии выступало «сохранение и упрочение старой системы классового доминирования в Северной Нигерии»⁵³. Собственно, альтернативы у метрополии не было: ГД и НСНК в своих программных установках были гораздо прогрессивнее и радикальнее. Не желая подрывать свои шансы на дальнейшее господство, лидеры северяян просили колонизаторов не торопиться с предоставлением Нигерии независимости: они боялись, что это обернется засильем южан – в среднем более предприимчивых и образованных – в их собственном доме. На Севере угрозой представлялась сама политика «нигеризации» высших эшелонов гражданской службы, вынужденно запущенная Лондоном в 1945 году: если в 1939-м высокопоставленные административные должности занимали лишь 23 нигерийца, то 1953-м их число составляло без малого 800 – и, разумеется, вопреки предпочтениям самих британцев, преобладали в этих рядах не мусульмане, которым, несмотря на благосклонность со стороны колонизаторов, элементарно не хватало необходимых компетенций⁵⁴. Деятели, делегированные Севером в центральные органы власти колонии, всячески тормозили продвижение к самоопределению, что вызывало гнев иных этнических партий, уязвленных тем, что шахматисты называют «потерей темпа».

В 1953 году вспыхнул конфликт, который задал рамку не только для последующих политических спазмов, сотрясавших Первую республику на всем протяжении ее недолгой и злополучной жизни, но и, в некоторых своих особенностях, вообще для всех будущих катаклизмов независимой Нигерии. Поводом послужило внесение в федеральную легислатуру законодательной инициативы (*Motion of Destiny*), предполагавшей предоставление Нигерии независимости в течение трех лет – к 1956 году. Северные элиты, уверенные, что к этой дате их

53 Ibid. P. 35–36.

54 См. соответствующие статистические данные: FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 148.

регион никак не успеет догнать Юг в плане образовательного, профессионального, социального развития, заблокировали этот проект: Ахмаду Белло, руководитель НКС и прямой наследник правящей династии Сокото, внес поддержанное большинством альтернативное предложение, заменяющее в законопроекте дату «1956» на фразу «как только будет возможно». Выступая с парламентской трибуны, он добавил: «Ставя перед собой цели, мы должны быть реалистами. При нынешнем положении дел, сложившемся в Нигерии, Северный регион не собирается принимать приглашение совершить самоубийство»⁵⁵. После завершения сессии представители северян в общенациональной Законодательной ассамблее подверглись оскорблениям на улицах Лагоса, а также нападкам в южной прессе. Вернувшись домой, парламентарии-северяне совместно с региональными властями принялись разрабатывать план, предусматривавший если и не прямое прощание с Нигерией, то как минимум превращение ее в зыбкую конфедерацию. Южные партии ответили на это отправкой на Север своих делегаций, которым поручалось развернуть среди местных жителей агитацию за независимость. Прибытие одной из таких групп, составленной из представителей ГД, в северный город Кано вызвало четырехдневный бунт, в ходе которого был разорен местный квартал, где проживали мигранты с Юга. В результате двести человек были ранены, а 36 убиты; среди жертв преобладали представители игбо. Как показало скорое будущее, конфликт оказался архетипическим.

Как уже говорилось, важнейшей специфической особенностью нигерийской диспозиции было то, что ни одна этническая группа, включенная колонизаторами в «большую тройку», не имела абсолютно надежной опоры в собственном регионе: если на долю хауса-фулани приходилась примерно половина населения Севера, то на долю йоруба и игбо – примерно по две трети населения Запада и Востока. Шаткость политической опоры трех партий-гегемонов имела по меньшей мере два серьезнейших институциональных последствия. Первым из них стало то, что каждая из этих доминирующих политических сил была вынуждена, причем в императивном порядке, «задушить» всех конкурентов в своем субъекте федерации, полностью монополизировав региональные рычаги власти. С разной степенью успеха партии-флагманы начали добиваться этого еще до перехода к независимости, завершив консолидацию после ее провозглашения: на региональных выборах 1960–1961 годов ГД получила 63% мест в ассамблее Западного региона, НСНК взял под контроль 85% мест в ассамблее Вос-

55 Цит. по: OSADOLOR O. B. *Op. cit.* P. 36.

точного региона, а НКС увенчал свое доминирование завоеванием 96% мест в ассамблее Северного региона. Однако – и это второе из упомянутых роковых последствий, – поскольку Нигерия была федеративным государством, региональные элиты не могли довольствоваться только победами местного значения: для обеспечения себе безоблачного (и, что еще важнее, безбедного) существования каждая из них неизбежно стремилась обзавестись «контрольным пакетом» в федеральном центре. В итоге местная политика превратилась в «межэтническое противоборство, ведищееся по принципу “победитель получает все” и разворачивающееся в такой среде, где принадлежность к оппозиции приравнивается к предательству»⁵⁶.

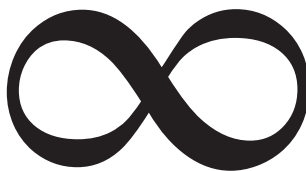
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

Поскольку Нигерия была федеративным государством, региональные элиты не могли довольствоваться только победами местного значения: для обеспечения себе безоблачного и безбедного существования каждая из них неизбежно стремилась обзавестись «контрольным пакетом» в федеральном центре.

Сказанное означало развертывание бескомпромиссной войны всех трех базовых регионально-этнических групп за федеральный кабинет и его ресурсы, причем для южан эта борьба осложнялась еще и необходимостью упрочивать свою электоральную базу не только дома, но и в соседних регионах, поскольку ни у Востока, ни у Запада не хватало сил в одиночку отбить притязания Севера и монополизировать центр. (Надо отдать должное прозорливости британских дизайнеров-государственников: раскалывая нигерийский Юг на Восток и Запад, они явно знали, кому подыгрывают.) В свою очередь после беспорядков в Кано северные правящие круги решили, что для сохранения лелеемого ими режима феодального, деспотичного и централизованного клиентелизма одного только политико-экономического «окукливания» опекаемых ими территорий будет недостаточно: исламским эмиратам, чтобы выстоять и выжить, требовалось утвердить свое господство и над остальной территорией страны. В 1958 году премьер-министр Северного региона Ахмаду Белло, представляющий аристократический истеблишмент Сокото, официально заявлял: возглавляемое им региональное правительство, не таясь, добивается, «чтобы северяне прибрали к рукам всю страну»⁵⁷. Подготавливаясь к ре-

⁵⁶ Ibid. P. 38.

⁵⁷ DIAMOND L. *Op. cit.* P. 51.

шающим сражениям, нотабли хауса-фулани – общности, составившей лишь *половину* северного населения – гарантировали себе *три четверти* мест в региональном парламенте. Опираясь на этот плацдарм, НКС вступил в избирательную кампанию 1959 года, имевшую для всех сторон принципиальное значение: именно этим выборам предстояло определить, какое правительство будет возглавлять будущую независимую Нигерию. По итогам парламентских выборов северянам не хватило девяти голосов, чтобы обеспечить себе абсолютное большинство в федеральном парламенте и, следовательно, самовластно сформировать кабинет. Южные партии в лице ГД и НСНК выступили в электоральной гонке гораздо хуже соперника, поскольку им пришлось сражаться не только с северянами, но еще и между собой, а также с многочисленными этническими партиями малых групп, расплывавшими их электоральные ресурсы.

Северянам, однако, требовался союзник из числа оставшихся участников «большой тройки», поскольку до «контрольного пакета» они немного не дотянули. Выбор в силу ряда причин был сделан в пользу восточного НСНК – именно этой партии Балева, руководитель парламентской фракции НКС, предложил войти в коалиционное правительство. Несмотря на многочисленные претензии в адрес хауса-фулани, политические вожди игбо решили согласиться, приняв во внимание как минимум два соображения: во-первых, их партия уже двадцать лет непримиримо и люто враждовала с ГД, в которой видела главного соперника в битве за доминирование на Юге; во-вторых, потенциальная коалиция игбо и йоруба теоретически могла, как они опасались, ожесточить Север или даже подтолкнуть его к сецессии. Таким образом, к провозглашению независимости, состоявшемуся 1 октября 1960 года, этнополитический конфликт обернулся сговором двух игроков «большой тройки» против третьего. Почти сразу после своего появления на свет Первая республика утратила всякие шансы на долгую и счастливую жизнь, поскольку в ней самым вопиющим образом было нарушено «базовое правило, согласно которому ни один субъект федерации не может быть настолько мощным, чтобы перевешивать всех остальных в их совокупности»⁵⁸. Трехчленная федеративная схема, в которой этническое деление совпадало с территориальным, заведомо не могла обеспечить выживание новорожденной страны, обрекая ее на бесконечные неприятности; однако осознанию этого мешало корыстное опьянение невероятными возможностями обогащения, вдруг открывавшимися перед нигерийским правящим классом по мере ухода колонизаторов.

58 Dikshit R.D. *Op. cit.* P. 213–214.

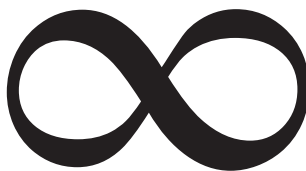
Первым серьезным кризисом, изобличающим несостоятельность нигерийской федеративной модели, стал острейший политический конфликт в Западном регионе, пришедшийся на 1962–1963 годы. Политическими хозяевами этой территории еще с британских времен были Обафема Аволово и его партия ГД, которую, видимо, можно назвать самой левой из «большой тройки». После того, как Север и Восток в лице НКС и НСНК договорились о политической маргинализации ГД, сплотившись в правящий дуумвират Первой республики, Аволово, «магнетический лидер народа йоруба»⁵⁹, стал склоняться к еще более радикальным позициям, все шире используя лозунги «борьбы с неокOLONIALИЗМОМ», «социалистического распределения» и «национализации экономики». Одновременно, желая укрепить электоральный потенциал партии и расширить зону ее влияния за пределы территорий расселения йоруба, он взял курс на превращение своей группировки в полноценного общенационального игрока, активно работающего не только у себя дома, но во всех частях федерации без исключения. Это не могло не насторожить элиты Севера и Востока, которые вовсе не собирались позволить популистам из ГД расшатать устоявшуюся систему регионального патронажа в своих родных уделах. Более того, выход на федеральный уровень не был поддержан и внушительной фракцией внутри самой ГД: здесь антагонистом партийного руководства выступил юрист и выпускник Оксфордского университета Сэмюэл Ладоке Акинтола⁶⁰, который, будучи с 1959 года премьер-министром Западного региона (этот пост ему, как однопартийцу, доверил занимавший его ранее Аволово) и политическим оппортунистом, был готов довольствоваться устоявшимся политическим раскладом – то есть не покушаться на властную монополию нотаблей хауса-фулани и примкнувших к ним вождей игбо на федеративном уровне:

«В то время, как фракция Аволово заманивала НСНК в общенациональную прогрессивную коалицию, способную выступить против НКС, фракция Акинтолы, напротив, добивалась соглашения с северянами, позволявшего сохранить *status quo* в обмен на предоставление политическому классу Западного региона более широкого доступа к федеральным ресурсам»⁶¹.

59 См.: *Awolowo, Chief Obafemi (1919–1987)* // FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. *Op. cit.* P. 62.

60 Именно Акинтола в 1953 году возглавлял депутацию «Группы действия», визит которой в северный город Кану, упоминавшийся выше, вызвал серьезные межэтнические столкновения. См.: *Akintola, Chief Samuel Ladoke (1910–1966)* // FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. *Op. cit.* P. 42–43.

61 DIAMOND L. *Op. cit.* P. 95.

Иными словами, вознамерившись переустроить патронажные основы нигерийского федерализма, Аволово – вождь ГД и самый видный политик йоруба – настроил против себя едва ли не всех ведущих деятелей независимой Нигерии, причем как северян, так и южан, и поэтому его столкновение с системой сделалось неизбежным, а исход схватки был предопределен заранее.

В мае 1962 года, после того, как сторонники Аволово в парламенте Западного региона попытались сместить с поста отбившегося от рук местного премьер-министра, не собиравшийся уходить Акинтола дал указание своей фракции парализовать работу легислатуры. Свирепые потасовки в зале заседаний, сопровождавшиеся порчей государственного имущества, повлекли за собой довольно необычные для вестминстерской демократии меры: полиция сначала распылила в парламенте слезоточивый газ, а потом опечатала его двери. 29 мая премьер-министр страны Балева внес в Палату представителей предложение о введении в Западном регионе чрезвычайного положения. Инициативу поддержали парламентарии от НКС, НСНК и ГД из фракции Аволово (209 «за» и 36 «против»). После этого федеральные власти учинили в Западном регионе форменный разгром: они сместили с постов регионального губернатора, региональный кабинет министров и руководство иных исполнительных ведомств, возложив поддержание правопорядка и жизнедеятельности на территории на специально назначенного федерального администратора. Как выяснилось позже, это было только начало «зачистки», поскольку в сентябре 1962 года лидер ГД Аволово был арестован по обвинению в подготовке государственного переворота; премьер-министр Балева лично рассказал изумленной нации о созданной им подпольной военизированной организации, планировавшей захват власти. В ходе расследования федеральная прокуратура предъявила обвинения в заговоре тридцати сподвижникам Аволово – практически всей верхушке ГД. Почти синхронно органы финансового контроля обнародовали доклад о масштабных злоупотреблениях в расходовании бюджетных средств, допущенных властями Западного региона за годы правления этой партии. Премьер-министр Восточного региона Майкл Окпара, который представлял натерпевшийся от соседских интриг НСНК, поспешил обрушить на Аволово праведный гнев, заявив, что ГД «во имя своего социализма выдоила регион дочиста» – и призвав к роспуску партии-конкурента «ради общественного блага»⁶². Иначе говоря, у всех серьезных игроков накопилось достаточно оснований, чтобы попытаться навсегда вытолкнуть ГД с нигерийской политической сцены.

62 Ibid. P. 108.

В сентябре 1962 года Аволово был отправлен под домашний арест, а в январе 1963-го, после завершения федерального вмешательства, ренегат Акинтола был вновь утвержден премьер-министром Западного региона – на этот раз в качестве главы собственной и свежее испеченной «Объединенной народной партии» (ОНП). Его группировка могла удерживать региональные командные высоты только при поддержке соседей из НСНК. Политики игбо, пытаясь выжать из разгрома ГД максимум возможного, обусловили такую поддержку согласием Акинтолы на учреждение нового – и четвертого в нигерийской федерации – Средне-Западного региона, который выкраивался из территорий йоруба: он был в основном населен этническими меньшинствами, со многими из которых игбо еще раньше наладили прочные связи, подстрекая их против конкурентов из ГД. Для НСНК создание нового субъекта федерации было явно выгодным, поскольку оно, во-первых, наращивало вес этой партии на федеральной арене (вместо одного региона она могла теперь контролировать два), а во-вторых, еще больше ослабляло конкурентов-йоруба, у которых самым беспардонным образом откусывали кусок освоенной территории. Как только в августе 1963 года обособление нового федерального субъекта было подтверждено местным референдумом, НСНК начал выстраивать здесь свои партийные плацдармы. В том же году вождь поверженной ГД Аволово получил десятилетний тюремный срок за государственную измену. С этого момента эффективная оппозиция в Нигерии на время вообще исчезла.

В ходе описанных событий трехпартийная система, практикуемая в федерации и теперь оказавшаяся на грани краха, обнаружила свой главный дефект: она волей-неволей влекла за собой объединение двух игроков в обоюдном желании уничтожить третьего. Соответственно, «когда федеральная правящая коалиция перешла своего рода Рубикон, введя чрезвычайное положение в Западном регионе, в головах наиболее воинственных членов ГД невольно начали роиться мысли об отмщении и государственном перевороте», – пишет Даймонд⁶³. Нельзя не обратить внимание на то, что, вместо того, чтобы объединенными усилиями сдерживать все более могущественный Север, доминирующие партии Юга ожесточенно воевали между собой. Кроме того, кризис показал, что отныне правящие этнические группировки не будут уверенно чувствовать себя даже дома, а это наносило мощный удар по всему нигерийскому национально-территориальному федерализму. Учитывая все сказанное, вполне можно согласиться с мнением, что именно кризис, вспыхнувший в 1962 году в Западном регионе, «стал той вехой,

63 Ibid. P. 125.

с которой начались упадок Первой республики и последовавшая вслед за ним череда военных переворотов»⁶⁴.

Едва пережив один кризис, Первая республика незамедлительно свалилась в другой. На этот раз общенациональные потрясения были связаны с переписью населения. Намеченную на 1962 год перепись все южные политики, причем, невзирая на трения между йоруба и игбо, ожидали с немалым воодушевлением: «они искренне надеялись, что мероприятие зафиксирует численное преобладание Юга и тем самым положит конец господству Севера в федеральном парламенте»⁶⁵. Подсчет душ превратился в неприглядную политическую акцию, в которой партийные лидеры и активисты, не щадя себя, «работали на результат», поскольку от полученных показателей зависело распределение власти и ресурсов. Первые итоги, подведенные к маю, продемонстрировали невероятные цифры: прирост населения в Восточном и Западном регионах всего лишь за десятилетие составил около 70%(!), а в некоторых районах – от 120% до 200%. Что касается Северного региона, то его демографические достижения выглядели гораздо скромнее – около 30%⁶⁶. Если бы эти цифры были официально утверждены, то южанам удалось бы исполнить давнюю мечту и, наконец, оттеснить северян от рычагов управления федерацией.

Но это понимали и на Севере, и потому в феврале 1963 года после долгих препирательств и громких обвинений правительство Балева объявило об аннулировании результатов и назначении новой переписи населения на 1963 год. В связи с огромным масштабом скандала фиаско на этот раз оказалось еще более грандиозным, поскольку региональные правительства и местные политики вновь мобилизовали все силы на получение нужных результатов. В итоге во второй переписи численность нигерийских граждан на бумаге демонстрировала еще больший прирост, чем был показан после первой переписи, что, разумеется, вызвало политическую бурю. Интересно, что теперь лучше постарался Север – переписчики внезапно обнаружили восемь миллионов новых северян, каким-то образом ускользнувших от предыдущего подсчета. Удивляться, впрочем, не приходится, поскольку, как сообщали очевидцы, в некоторых местах в протоколы переписи включали даже домашнюю скотину⁶⁷. В целом же из собранных ведомостей следовало, что население страны за десять лет выросло на 83%, продемонстрировав прирост в 5,7% ежегодно, неслыханный даже для Африки с ее неординарной рождаемостью. Долгий

64 *Action Group Crisis* // FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. *Op. cit.* P. 24.

65 DIAMOND L. *Op. cit.* P. 132.

66 См.: HILL J.N.C. *Op. cit.* P. 49.

67 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 168.

отказ федерального правительства обнародовать результаты и уличные столкновения политических оппонентов между собой и с полицией перетасовали все политическую палитру федерации, еще более обнажив ее структурный конфликт, сталкивающий Север и Юг. В конечном счете, помимо Северного региона, результаты были признаны правительствами Западного региона (Сэмюэл Ладоке Акинтола не зря считался марионеткой Севера) и Средне-Западного региона (его премьер-министр Деннис Осадебай, член НСНК, послушался собственной партии «ради сохранения национального единства»⁶⁸). Восточный регион остался почти в полной политической изоляции – один против всех. Именно после злополучной переписи НСНК решил разорвать коалиционное соглашение с НКС, на котором зиждилось все здание Первой республики – переключившись, вместо этого, на альянс с недобитой ГД. Иначе говоря, лидеры игбо и йоруба, двух доминирующих этнических групп Юга, предварительно измотав и обескровив себя в междоусобных политических битвах, наконец, пришли к осознанию того, кто на самом деле выступает подлинной и главной угрозой федеративному строю.

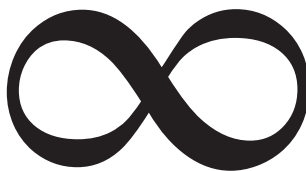
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

Во второй переписи численность нигерийских граждан на бумаге демонстрировала еще больший прирост, чем был показан после первой переписи, что, разумеется, вызвало политическую бурю. Удивляться, впрочем, не приходится, поскольку, как сообщали очевидцы, в некоторых местах в протоколы переписи включали даже домашнюю скотину.

Дальше события развивались закономерно. Северяне в ответ прокляли бывших союзников, заявив о коварстве и изменничестве игбо; эти официальные инвективы, а также хвастливые заявления представителей НКС о том, что отныне партия северян «будет править федерацией вечно»⁶⁹, ошутимо повысили градус триединого – политического, этнического и территориального – конфликта, терзавшего молодую нацию. Разумеется, в памяти игбо, особенно проживавших на Севере, были живы воспоминания о погроме, учиненном в Кано в 1953 году. Но, как бы то ни было, в конечном счете, южане опять проиграли: согласно официально признанным результатам переписи, Север не только подтвердил, но и расширил свое демографическое

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ DIAMOND L. *Op. cit.* P. 142.

преимущество над Югом – со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями. Самым главным стало то, что депутаты-северяне по-прежнему занимали более половины кресел в общенациональной легислатуре: исходя из обновленного демографического баланса им доставалось более 53% мест. Консервативная элита хауса-фулани в очередной раз разгромила соперников, незаметно для себя сделав еще один шаг к будущему краху республиканской системы и последующей гражданской войне.

Наконец, одним из последних «звонков», оповещавших о неминуемой политической буре, стали скандальные федеральные выборы 1964 года. Накануне Север, воодушевившись своей «демографической победой», вопреки устоявшимся обыкновениям и впервые за все время нигерийских электоральных состязаний начал напрямую вмешиваться в политическую борьбу на Юге. Это произошло в ходе выборов в новообразованном Средне-Западном регионе, прошедших в 1963 году. Вступив в коалицию с ОНП, которую возглавлял Акинтола, и региональным объединением национальных меньшинств, НКС чуть не нанес поражение НСНК буквально на домашнем поле, поскольку Средне-Западный регион изначально рассматривался политическими элитами игбо как собственная вотчина. Чудом избежав очередного удара от северян, южане по-настоящему ожесточились. Главным итогом этого потрясения явилось создание единого предвыборного фронта, объединившего НСНК с ГД, разгрому которой первый совсем недавно всеми силами способствовал.

Фигуры на доске нигерийской политики вновь смешались: накануне выборов политические силы консолидировались по сторонам разлома «Север – Юг», снова поставив под угрозу единство страны. Раскольничество Акинтолы позволило НКС сделать возглавляемую им группировку ОНП – с 1964 года она стала называться «Нигерийской национальной демократической партией» (ННДП) – своим главным южным партнером: тем самым он эффективно расколол Западный регион, уведя под знамена Севера значительную долю нотаблей йоруба. Именно созданную отступником новую структуру НКС рассматривал в качестве своего будущего парламентского партнера. Помимо двух упомянутых организаций, в сколачиваемый хауса-фулани «Нигерийский национальный альянс» влились также южные оппозиционные группы, которые представляли локальные этнические меньшинства, по большей части недовольные региональной диктатурой игбо. Этому объединению противостоял «Объединенный прогрессивный большой альянс» в составе НСНК, ГД, а также небольших, но активных и радикальных группировок, давно сражавшихся с НКС на Севере – разумеется, при поддержке политиков йоруба и игбо.

Главный риск намечающегося противостояния заключался в том, что победа любого из блоков полностью отстраняла от рычагов федеральной власти как минимум два из четырех нигерийских регионов: если побеждали хауса-фулани и раскольники-йоруба Акинтолы, то не у дел оказывались Восточный и Средне-Западный регионы; если же верх брали игбо с примкнувшими к ним йоруба Аволово, то на абсолютное бессилие обрекались Северный и Западный регионы. Такой расклад, естественно, придавал кампании крайнее ожесточение: ни одна из сторон не собиралась позволить другой завоевать хотя бы один парламентский мандат на своей территории. Как говорил премьер-министр Севера Белло, гражданской обязанностью всех северян является то, чтобы ни один округ Севера не попал в руки «южных политиканов»⁷⁰. В ходе кампании оба альянса пытались вести агитацию на территории оппонентов, хотя получалось это с трудом – особенно на Севере. Интересно, кстати, что в дискуссиях стороны озвучивали разные сценарии развития федерации: если Юг выступал за ее незамедлительное реформирование посредством создания новых субъектов, то Север отстаивал ее неприкосновенность и, соответственно, недопустимость перемен в федеративном устройстве. Одновременно все стороны горячо разыгрывали этническую карту, бесцеремонно нападая на конкурирующие группы: йоруба Акинтолы – на игбо, йоруба Аволово – на хауса-фулани, хауса-фулани – на игбо, игбо – на хауса-фулани и на йоруба Акинтолы. Волна трайбализма поднялась настолько высоко, что обеспокоенность ею были вынуждены высказать президент и премьер-министр республики.

Сама кампания 1964 года не раз анализировалась в литературе; ее главными характеристиками стали злоупотребления различных видов, включая прежде всего неофициальное использование наемных громил-«активистов», а также вполне официальное воспрепятствование агитационным акциям оппонентов и запугивание последних с привлечением силовых органов. К этим электоральным технологиям обращались все нигерийские партии без исключения. Безобразия сопровождали и саму организацию процесса. В результате к тому моменту, когда предстояло завершить выдвижение кандидатов, «Объединенный прогрессивный большой альянс» выяснил, что из-за административного и силового давления его кандидатам не удалось зарегистрироваться во многих округах на Западе, где хозяйничало правительство Акинтолы, и почти нигде на Севере. Так, в шестидесяти избирательных округах кандидаты от НКС – включая премьер-министра и других высокопоставлен-

70 Ibid. P. 197.

ных функционеров – вообще не имели конкурентов. Анализируя диспозицию, сложившуюся перед голосованием, лидеры оппозиционного северянам блока были вынуждены признать, что им, по-видимому, предстоит пережить сокрушительное поражение. За несколько дней до голосования премьер-министр Восточного региона Майкл Окпара официально назвал предстоящие выборы «колоссальным фарсом», сравнив электоральные практики врагов из НКС с гитлеровскими⁷¹.

Фактически северная аристократия выиграла эти выборы еще до открытия избирательных участков. Попытки лидеров «Объединенного прогрессивного большого альянса» добиться их переноса, поддержанные президентом страны Ннамди Азикиве – «одним из наиболее выдающихся деятелей нигерийской политической сцены»⁷², игбо по национальности, соучредителем НСНК, премьер-министром Восточного региона в 1954–1959 годах и формальным главой государства с 1963-го, – не принесли результата; в свою очередь премьер-министр страны, северянин Балева, в ходе двусторонней встречи с Азикиве безапелляционно напомнил ему, что в мирное время, несмотря на формальный статус главы государства как главнокомандующего, армия подчиняется руководителю правительства. Недвусмысленный намек был понят; противники северян рассудили, что все, чем они располагают в сложившейся ситуации, – бойкот выборов. Эта акция, однако, удалась только на Востоке; в остальных местах она оказалась провальной. Более того, бойкот лишь навредил иницировавшим его оппозиционерам, позволив их противникам перехватить освободившиеся округа. Результат был показательно удручающим: «Нигерийский национальный альянс», возглавляемый консерваторами Севера, получил более двух третей депутатских мандатов: 198 из 253.

Послевыборные манипуляции, предпринятые президентом Азикиве и лидерами проигравших, не дали никакого результата. Компромисс с победителями, на заключение которого «Объединенный прогрессивный большой альянс» вынужден был пойти ради «сохранения национального единства», стал фактическим признанием позорного разгрома Юга. В новом правительстве, которое Балева сформировал по итогам выборов в начале января 1965 года, НКС получил 15 кресел из 21. Впрочем, утешительный приз, предложенный НСНК и лидерам игбо, включал в себя не только четыре министерских портфеля, но и кое-что еще: назначая нового главнокомандующего нигерийской армией, триумфаторы – в качестве жеста примирения с поверженными оппонентами, – остановили свой выбор на выходе из игбо, молодом бригадном генерале Джонсоне Агии-Иронси, обой-

71 Ibid. P. 215.

72 *Azikiwe, Nnamdi (1904–1996) // FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. Op. cit. P. 62.*

дя высокопоставленных офицеров из хауса-фулани и йоруба. Торжества доброй воли, однако, не получилось; пройдет всего год, и многолетняя фрустрация южан выльется в кровавый военный переворот, после которого этот военачальник покончит не только с Первой республикой, но и с самим нигерийским федерализмом.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

КРАХ ФЕДЕРАЦИИ И СЕЦЕССИЯ БИАФРЫ

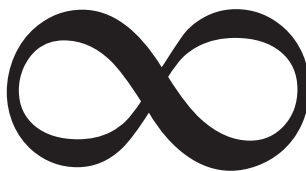
Непосредственным поводом, спровоцировавшим вмешательство армии, стали выборы в Западном регионе, пришедшиеся на октябрь 1965 года. Фактически это было повторение предыдущих федеральных выборов, но еще более зловеще-гротескное. Опасаясь проигрыша от рук более популярной и едва ли не ушедшей в подполье ГД, ННДП, которую возглавлял региональный премьер-министр Акинтола, воспрепятствовала выдвижению альтернативных кандидатов во множестве округов. НСНК, состоявший, по идее, в альянсе с ГД, в двадцати округах не смог договориться с союзниками и выдвинул собственных кандидатов; в итоге оппозиционные голоса там были распылены. Но главным фактором, вызвавшим общественное возмущение, стали абсолютно бесстыдные фальсификации и подтасовки, имевшие место в сам день голосования. После официального объявления результатов – согласно этим цифрам, правящая ННДП получала 51 место, оппозиционный альянс одиннадцать мест, а в тридцати округах назначалось повторное голосование – оба лагеря объявили себя победителями.

«По всему Западному региону люди вышли на улицы, протестуя против официальных подсчетов. В ноябре и декабре вся его территория превратилась в поле боя. Странники “Объединенного прогрессивного большого альянса” дрались с полицией, разоряя и поджигая дома активистов ННДП, убив некоторых из них»⁷³.

Поскольку на этот раз федеральный кабинет, управляемый НКС, не стал вводить на взбунтовавшихся землях чрезвычайное положение – Акинтола был его вассалом, которого нужно было сохранить любой ценой, – регион оказался абсолютно неуправляемым. Беспорядки и насилие продолжались до середины января 1966 года: до того самого дня, пока на политическую сцену не вышла нигерийская армия.

В рассветные часы 15 января 1966 года во всех нигерийских регионах, за исключением Восточного, синхронно начался «путч пяти майоров». В первом же своем заявлении его ини-

73 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 171.

циаторы объявили, что на выступление их подвигло стремление покончить с трайбализмом и коррупцией – главными язвами Первой республики. Почти сразу же от рук мятежников в Лагосе, Ибадане и Кадуне пали главные фигуры, обвинявшиеся ими (и не только ими) в бесконечных бедствиях страны: в этом ряду оказались премьер-министр федерации Балева, главы Северного и Западного регионов Белло и Акинтола, некоторые министры, а также десятки высокопоставленных офицеров-северян. Однако удержать власть путчисты не сумели: через несколько дней ее перехватило армейское командование во главе с Агийи-Иронси, всего год назад ставшим министром обороны. Военачальник был официально провозглашен главой государства, а его правительство незамедлительно запретило все политические партии и назначило в бывшие федеральные регионы военных губернаторов, которые сменили гражданских премьер-министров.

В обществе выступление военных было воспринято неоднозначно. Многие нигерийцы, особенно на Юге, отнеслись к перевороту с сочувствием; по их мнению, с ненавистным засильем северян, наконец-то, удалось покончить. Кроме того, после путча мгновенно прекратились бесчинства в Западном регионе, пережившем избыточно динамичную избирательную кампанию. Но на Севере реакция ожидаемо оказалась иной: поскольку четверо из пяти майоров-путчистов, а также сам Агийи-Иронси, были игбо, многие мусульмане восприняли приход армии с ужасом, увидев в нем начало порабощения северян южанами. В этом было изрядное преувеличение, поскольку в ходе переворота наряду со знатью хауса-фулани своих постов лишились и многие чиновники-игбо, причем даже весьма высокопоставленные: среди них оказались президент страны, президент Сената, министры иностранных дел, образования, транспорта, а также два региональных премьер-министра. Бесспорным, однако, остается то, что «переход власти от регионов к центру угрожал интересам северной политической элиты, которая опасалась, что укрепление далекого правительства в Лагосе обернется ее маргинализацией»⁷⁴. Центральным аргументом, избличавшим военную хунту в глазах северян, стал декрет № 34 от 24 мая 1966 года которым, вместо федеративной системы учреждалась унитарная. У Севера были все основания оплакивать кончину федерации: она, как было показано выше, дала ему очень и очень многое. В ситуации, когда перед северянами замаячила удручающая альтернатива – оказаться под управлением либо южан-военных, либо южан-гражданских, – группа военнослужащих с Севера

74 DALY S.F.C. *A History of the Republic of Biafra: Law, Crime, and the Nigerian Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 37.

задумала и осуществила контрпереворот. 29 июля 1966 года путчисты в Ибадане арестовали и убили бригадного генерала Агии-Иронси, через три дня провозгласив новым главой государства 31-летнего подполковника Якубу Говона, который служил начальником штаба вооруженных сил при погибшем диктаторе и был уроженцем небольшого христианского племени из центра страны, имевшего тесные контакты с северной мусульманской элитой.

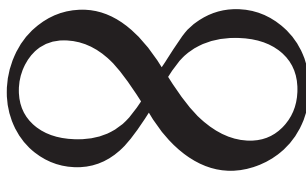
Одним из первых своих решений новый лидер восстановил федеративное устройство. Главнейшей проблемой для военного правительства стало успокоение игбо, для которых год путчей обернулся тяжкими испытаниями. С мая, когда была упразднена федеративная система, и до сентября, когда в стране удалось восстановить шаткую видимость порядка, на представителей южных этнических групп, проживавших на Севере, обрушилась месть радикалов из числа северян: гонения на мигрантов-игбо начались еще в первые месяцы 1966 года, но с лета в ходе нескольких спланированных и скоординированных акций укомплектованные северянами армейские подразделения и полувоенные формирования истребили от 80 до 100 тысяч игбо⁷⁵. Современные исследователи нередко называют эти акции русским словом «погром» (*pogrom*), подчеркивая непосредственную причастность государственных органов к их подготовке и организации. Остроту ситуации придавало то обстоятельство, что «к 1966 году теория заговора, согласно которой игбо замышляют взять под контроль всю власть в стране, стала типовым тропом нигерийской политики, а многие на Севере видели в них эксплуататоров, обуреваемых политическими амбициями»⁷⁶.

Эхом этих событий стали антимусульманские бунты на Юге, в особенности в Восточном регионе. Именно в этот период Чуквемека Одумвегу-Оджуква, выходец из богатой фамилии игбо и выпускник Оксфорда, назначенный прежней администрацией военным губернатором Восточного региона и не признавший контрпереворот Говона⁷⁷, впервые заявил о возможном выходе этой территории из состава федерации, неспособной обеспечить безопасность народа игбо. Одновременно он призвал всех игбо, которые обосновались в иных регионах, вернуться домой, тем самым спровоцировав во второй половине 1966 года масштабные миграции населения. Правительство Говона, не желая отпускать игбо, принялось делать всевозможные примирительные жесты; в начале января 1967-го диктатор даже встретился со своевольным губернатором на территории соседней Ганы.

75 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 174.

76 DALY S.F.C. *Op. cit.* P. 40. О погромах см.: P. 39.

77 *Ojukwu, Chief Chukwuemeka Odumegwu (1933–2011)* // FALOLA T., GENOVA A., HEATON M. *Op. cit.* P. 311–312.

Переговоры, однако, не увенчались успехом; как поясняли сепаратисты позже, «всякий раз, когда нигерийцы приближались к сколько-нибудь реалистичному разрешению кризиса, склоняясь к слабой ассоциации или конфедерации, подполковник Говон грубо пресекал подобные попытки»⁷⁸. Игнорируя возражения столицы, с 1 апреля Восточный регион взял под свой контроль все федеральные ведомства, а также сбор федеральных налогов. В ответ федеральное правительство ввело против раскольников экономические санкции, включая блокаду побережья Восточного региона, но это не помешало региональной администрации провозгласить 30 мая независимость Республики Биафра.

Как вспоминал позже один из высокопоставленных чиновников мятежной республики, Одумвегу-Оджуква без конца повторял, что никогда в истории ни один народ еще не проиграл войну за независимость: «Это было для него почти магическим заклинанием, которое, по его мнению, естественно и автоматически подтверждалось ситуацией Биафры»⁷⁹. С точки же зрения федерального военного режима сецессия Восточного региона выглядела недопустимой по меньшей мере по трем основаниям. Во-первых, Говон и его сподвижники считали территориальное единство страны ценностью, которой нельзя поступаться; во-вторых, отделение одного из крупных регионов, по их мнению, неминуемо повлекло бы за собой волну сецессий иных территорий, населенных меньшинствами; в-третьих, на долю Востока приходилось более 65% запасов нефти, открытых в Нигерии в конце 1950-х⁸⁰. Против мятежников была развернута «полицейская операция», в которой вопреки названию использовались все виды вооружений, находящиеся в распоряжении нигерийской армии, включая авиацию. Перед федеральными войсками была поставлена задача полностью блокировать отпавшую территорию, лишив ее возможности сопротивляться. Тем не менее война затянулась на два с половиной года, причем на информационном поле Биафра заметно переигрывала Нигерию: такой результат во многом обеспечивался тем, что сепаратисты изображали войну как столкновение христианского мира с миром ислама, настаивая на неизбежности нигерийского геноцида в отношении игбо в случае поражения⁸¹. Как следствие, «дело Биафры» приобрело широкую популярность в Западной Европе и Соединен-

78 *Nigeria and Biafra: The Parting of the Ways*. P. 64.

79 Цит. по: DALY S.F.C. *Op. cit.* P. 42.

80 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 175.

81 Одним из самых ярких западных примеров нарратива, опирающегося на сочувствие Биафре, стали публикации журналиста ВВС, а позже независимого журналиста Фредерика Форсайта, освещавшего ход войны со стороны мятежников. См., например, его книгу, впервые опубликованную в 1969 году: FORSYTH F. *The Biafra Story: The Making of an African Legend*. Barnsley: Pen & Sword, 2015.

ных Штатах, где его ассоциировали с борьбой за гражданские права»⁸².

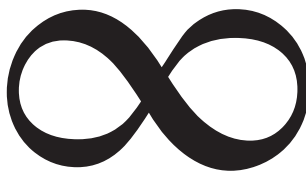
Тем не менее положение новорожденной республики с самого начала было шатким, поскольку произведенная ею инкорпорация богатой нефтяными месторождениями дельты Нигера настроила против игбо населяющие эту зону меньшинства, прежде всего народы иджо и эфик – и на протяжении всего противостояния подрывала Биэфру изнутри. (Треть населения отколовшейся территории этнически не имело отношения к игбо.) Подкрепляя военную акцию политическими мерами, правительство Говона провело радикальную реформу федеративного устройства. С самого захвата власти глава военного режима настаивал на том, что в Нигерии не избыток, а недостаток федерализма⁸³. Сразу же после провозглашения независимости Биэфры правительство объявило об учреждении в стране, вместо прежних четырех регионов, двенадцати штатов, причем новые административные границы основательно перемешивали расселение этносов «большой тройки», лишая их былой монополии. На месте Северного региона, занимавшего две трети нигерийской карты и системно дестабилизировавшего Первую республику, появились шесть новых штатов. Реформаторы ожидали, что в результате в составных частях федерации начнет меняться политический климат: появятся предпосылки для подъема партий меньшинства, которые, не имея в прежней системе никаких шансов на доступ к бюджетному пирогу, теперь приобретут ощутимый вес и включатся в коалиционную политику. На землях бывшего Восточного региона были созданы три новых штата, причем игбо численно доминировали лишь в одном из них. Раздел, лишенный на тот момент практического смысла – Биэфра поначалу уверенно контролировала всю свою территорию, – имел тем не менее огромное символическое значение: он «подрывал позиции сепаратистского правительства среди граждан, не относящихся к игбо, намекая на то, что федеральный центр способен действовать в их интересах»⁸⁴.

В первые месяцы войны удача сопутствовала восставшим; в августе и сентябре 1967 года армия Биэфры вторглась на нигерийскую территорию, на короткое время взяв под контроль вставший на сторону федералов Средне-Западный регион и учредив там марионеточную Республику Бенин. Удержать плацдарм, однако, они не смогли: после того, как в октябре повстанцы отступили на свою территорию, нигерийские войска, которыми командовал будущий президент Муртала Мухаммед, устроили в освобожденных районах новую резню, убив более семисот

82 CAMPBELL J., PAGE M. *Op. cit.* P. 33.

83 HILL J.N.C. *Op. cit.* P. 54.

84 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 176.

гражданских из числа игбо в двух населенных пунктах⁸⁵. Биафра отвечала карательными акциями в отношении собственных «национал-предателей» из числа меньшинств, еще больше ожесточая их. В мае 1968 года республика потеряла Порт-Харкорт – свои единственные ворота во внешний мир; с этого момента, опасаясь, что сопротивление зажатой в угол Биафры вот-вот превратится в «народную войну» вьетнамского типа, федеральные власти взяли курс на удушение республики голодом. Жестокость блокады – имеются документальные и человеческие свидетельства того, что на заключительном этапе противостояния в самопровозглашенной республике процветал канибализм⁸⁶, – позволила пропагандистам Биафры вновь заявить о геноциде. Интересно, что одним из главных обличаемых в этой бесчеловечности стал бывший премьер-министр Западного региона и глава «Группы действия» Обафеми Аволово, в 1966 году освобожденный военным режимом из тюрьмы, получивший официальную должность и теперь громко требовавший заморить Биафру до смерти⁸⁷. В ответ левые радикалы из Социалистической партии Биафры клеймили его как «самого отъявленного буржуазного шовиниста» Нигерии, «с религиозным рвением проповедующего этноцентризм йоруба»⁸⁸. В гражданской смуте отметились и другие «отцы» нигерийской независимости из числа тех, кого не убили в ходе «путча пяти майоров». В частности, бывший президент Первой республики Ннамди Азикиве, будучи игбо, на первых порах поддержал восстание на родине, но потом не только переметнулся на сторону федеральных властей, деморализовав тем самым сепаратистов, но и заявил в придачу, что был похищен мятежниками и солидаризовался с ними исключительно «под дулом пистолета, приставленного к спине»⁸⁹.

Несопоставимость ресурсных возможностей, бесчеловечная экономическая блокада, а также неумение Биафры заручиться международным содействием не позволили сепаратистам преуспеть. Биафра не получила поддержки даже у соседей: Организация африканского единства отказала ей в признании, а выбивающееся из общего ряда признание со стороны Габона, Танзании, Замбии и Берега Слоновой Кости не меняло общей картины. «Большинство государств Африки были против не-

85 Это массовое убийство получило всемирную известность. См. исследование, посвященное событию: BIRD E., OTTANELLI F. *The Asaba Massacre: Trauma, Memory, and the Nigerian Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

86 См., в частности: DALY S.F.C. *Op. cit.* P. 97–98. Автор ссылается на материалы правоохранительных органов Республики Биафра.

87 *Ibid.* P. 55.

88 IFEKWE B.S. *Biafran Radical Groups and the Quest for Biafran Sovereignty in the Nigeria-Biafra War* // КОРИЕН С.Д. (Ed.). *Op. cit.* P. 79.

89 DALY S.F.C. *Op. cit.* P. 56.

зависимости Биафры – они помнили о том, что тоже являются многосоставными обществами, в которых раскольнические и сепаратистские движения могут проявить себя, как в Нигерии»⁹⁰. Интересно, что сепаратистов солидарно не поддержали антагонисты «холодной войны»; но если англосаксонские страны заняли выжидательную позицию, раздражавшую военное правительство Нигерии, то Советский Союз, перехватывая у них инициативу, поставлял прозападному режиму Лагоса боевые самолеты и направлял в Нигерию военных советников. При этом советские представители настойчиво заявляли, что притязания Биафры на суверенитет «противоречат национальным интересам африканских стран», а «трайбализм ни в коем случае нельзя отождествлять с самоопределением»⁹¹. Коммунистические группировки внутри мятежной республики, естественно, обижались; например, в обращении Социалистической партии Биафры к правительствам Кубы, Китая и Албании говорилось: «Когда правительство СССР начало вооружать Нигерию, народ Биафры испытал великое разочарование. [...] Внешнюю политику СССР иногда трудно оправдать с точки зрения всемирной антиимпериалистической борьбы»⁹².

С наибольшей симпатией к Биафре и ее делу отнеслись Израиль и Франция; последняя явно пыталась использовать этот конфликт к собственной выгоде, рассчитывая в случае победы сепаратистов укрепить свои позиции в богатом нефтью регионе⁹³. На первых порах республика широко привлекала и иностранных наемников из США, Западной Европы, Южной Родезии и Южной Африки – довольно быстро, впрочем, разочаровавшись в их услугах⁹⁴. Тем не менее ни «солдаты удачи», ни Париж, ни тем более Тель-Авив не могли спасти Биафру: в конце 1969 года, не выдержав натиска федеральных войск, непризнанная республика рухнула – Одумвегу-Оджуква бежал за границу, а его преемник 12 января 1970 года объявил о полной капитуляции сепаратистов. Нигерийский федерализм вступил в новую фазу своей эволюции. Тем не менее, как полагают некоторые ученые, «даже спустя полвека вопрос о Биафре и страданиях народа игбо в истории Нигерии остается неразрешенным»⁹⁵.

90 Ibid. P. 17.

91 ИФЕКВЕ В.С. *Op. cit.* P. 85.

92 Цит. по: Ibid.

93 Подробнее о внешнем вмешательстве в конфликт см.: Филиппов В.Р. *Тайная война Франции в Биафре* // Политика и общество. 2016. № 3(135). С. 285–300.

94 Подробнее о «солдатах удачи» в нигерийском конфликте глазами его очевидца см., например: VENTER J. *Biafra's War 1967–1970: A Tribal Conflict in Nigeria That Left a Million Dead*. Solihull: Helion and Company, 2015.

95 KORIEN C.J. *Introduction. The Power of Silence: Reflections on the Politics of Memorializing the Biafra War* // KORIEN C.J. (Ed.). *Op. cit.* P. XII.

ФЕДЕРАЛИСТЫ В ПОГОНАХ

Война в Биафре позволила нигерийским военным обосноваться у власти надолго; за десятилетия военных режимов влияние милитаризации испытали на себе все аспекты социальной, экономической и политической жизни. Удивляться этому не приходится: если к моменту переворота 1966 года в нигерийских вооруженных силах насчитывалось 10 тысяч военнослужащих, то к завершению войны в Биафре их было уже 270 тысяч; соответствующим образом росли и расходы на содержание армии – с 0,2% ВВП в 1961-м до 6% в 1970-м⁹⁶. Превратившись в главную движущую силу национальной жизни, генералы не оставляли без своего попечения и административно-территориальное устройство страны. Как уже отмечалось, первый этап разукрупнения нигерийских регионов был запущен администрацией Якубу Говона, санкционировавшего переход от четырехчленного деления к двенадцатичленному. Это, однако, было лишь начало: курс на административное распыление крупнейших этнических групп, не позволявшее им монополизировать субъекты федерации и превращать их в свои вотчины, проводился военными правительствами весьма последовательно. В 1976 году к имеющимся административным единицам добавились еще семь новых штатов, в 1989-м их число выросло до 21, а в 1991-м – до 30. Наконец, в 1997 году количество штатов было доведено до 36. (При этом запрос на учреждение новых субъектов федерации был стабильно высок; в 1996 году, например, на рассмотрении в соответствующих государственных органах находились 72 предложения организовать новые штаты⁹⁷.) Обосновывая эту прогрессию, один из генералов-диктаторов утверждал: «Боязнь, что один регион будет доминировать над другим, довольно легко устраняется с помощью конституционных законов, создающих новые штаты»⁹⁸. Несмотря на изрядную долю упрощения, декларациям такого рода нельзя отказать в определенной правоте.

На сегодняшний день главным итогом проведенных реорганизаций стало резкое по сравнению с первыми годами независимости снижение конфликтного потенциала в стране. Противостояние переместилось с федерального уровня на региональный, ослабив тем самым давление на центральную власть, а постоянное возникновение новых административных единиц приучило местных политиков рассматривать пробле-

96 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 180.

97 См.: PADEN J. *Op. cit.* P. 207.

98 Цит. по: WILLIAMS F.R.A. *The Making of the Nigerian Constitution* // GOLDWIN R., KAUFMAN A. (Eds.). *Constitution Makers and Constitution Making: The Experience of Eight Nations*. Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 1988. P. 399.

мы общенационального уровня через призму конкуренции не столько этнических групп, сколько штатов⁹⁹. В связи с тем, что в большинстве штатов теперь проживает этнически и лингвистически смешанное население, крупные этносы больше не в состоянии узурпировать федеральные рычаги власти. Конфликты между ними чаще всего ограничиваются пределами той или иной отдельно взятой территории; более того, одновременное функционирование в стране трех дюжин самостоятельных бюрократий нередко оборачивается тем, что представители одной и той же этнической группы, разделенной внутренними региональными границами, вступают в конфликт друг с другом, отстаивая интересы соревнующихся административных единиц. Джон Пэйден резюмирует:

«Компоненты нигерийской федерации сегодня образуются исходя из исторических традиций и соображений прагматизма, а не из желания подчеркнуть вероисповедание или этничность. Целеустремленное смешение этнических и религиозных разграничительных линий призвано создать гарантии того, что в случае возникновения национально-конфессиональных конфликтов с ними удастся справиться на местном и региональном уровнях, не допуская эскалации общенационального уровня»¹⁰⁰.

Специалисты расходятся в оценках нигерийского федерального эксперимента, осуществленного руками военных. Уместно напомнить: после обретения независимости гражданские правительства учредили в Нигерии только один(!) новый штат; все остальные административные единицы появлялись на свет по инициативе военных правительств. Дональд Горовиц, например, считает, что перманентная, как в Нигерии, реформа многонациональной федерации «выполняет функцию своеобразной электоральной реформы», позволяющей стабилизировать отношения между ведущими этническими группами¹⁰¹. При таком подходе нигерийский опыт выглядит вполне позитивно. Противоположной позиции придерживается Рамеш Датта Дикшит: нигерийский случай, по его мнению, можно считать однозначным провалом федеративного проекта, обусловленным слишком многочисленными и неисправимыми дефектами¹⁰². (Стоит, однако, учитывать, что замечательная работа этого индийского специалиста была опубликована в 1975 году, то есть почти пятьдесят лет назад – и за это время нигерийская федерация так и не рухнула.) Наконец, многие исследователи разделили бы, вероятно, Соломонову позицию Джона Пэйдена, согласно

99 HOROWITZ D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 612.

100 PADEN J. *Op. cit.* P. 207.

101 HOROWITZ D. *Op. cit.* P. 612.

102 См.: DIKSHIT R.D. *Op. cit.* P. 213–216.

которому «прояснение того, является нигерийский демократический федерализм частью проблемы или, наоборот, способом ее разрешения, еще впереди»¹⁰³.

Впрочем, прежде, чем выносить окончательные оценки, необходимо разобраться в том, можно ли вообще сводить роль федерализма исключительно к разрешению национального вопроса. Как отмечалось в самом начале этого текста, в Африке его трактуют именно так, но подобное понимание скорее всего слишком узко. Ведь в идеале федеративная система должна благоприятствовать не только этническим, но и политическим меньшинствам, поскольку ее принципиальной особенностью выступает рассредоточение власти и недопущение тирании. Кроме того, ограничение ее влияний сугубо межэтническими отношениями позволяет полностью растворить личность в коллективном целом, поскольку приписывает наличие прав и свобод сначала этносу – и только потом индивиду. Отсутствие сопряжения между федеративным принципом и либеральной идеей обычно упоминается в качестве важнейшего дефекта федеративных систем развивающихся стран, в том числе и африканских. По-видимому, сохранение федерации в Нигерии как при автократии, так и при демократии подтверждает вывод, давно сделанный исследователями в отношении латиноамериканских диктатур: связь федеративного строя с демократией и либерализмом является сильно переоцененной – иначе говоря, в некоторых ситуациях федерализм помогает укреплять не демократические, а авторитарные порядки, стабилизируя диктатуры и продлевая их существование¹⁰⁴.

Говоря о нигерийской федерации под властью военных режимов, следует выделить и еще одно поистине фундаментальное обстоятельство: с 1970-х важнейшим фактором, влиявшим на взаимоотношения центра и регионов, сделалась нефть. Переход к масштабной нефтедобыче, состоявшийся в 1960-е, формально превратил Нигерию в богатейшую страну Африки; в то же время, чем внушительнее делались углеводородные доходы, тем крепче становилась зависимость от них всех без исключения сторон национальной жизни. К 2010 году нефть обеспечивала 95% всех экспортных поступлений нигерийской казны и 40% всех ее доходов¹⁰⁵. Превращение Нигерии в государство-рантье потребовало и соответствующей перелицовки

103 PADEN J. *Op. cit.* P. 3.

104 См., в частности: GIBSON E. L. (Ed.). *Federalism and Democracy in Latin America*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 2004. Характерным примером той же закономерности служит и азиатский опыт Малайзии при полувековом господстве «Объединенной малайской национальной организации». Подробнее об этом см. мою статью: ЗАХАРОВ А. *Федерализм по-азиатски: Россия и Малайзия в сравнительной перспективе* // Он же. «Спящий институт». *Федерализм в современной России и в мире*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 61–79.

105 См.: HILL J. N. C. *Op. cit.* P. 71.

местного федерализма. Поскольку нефтяные месторождения сконцентрированы в основном в дельте реки Нигер, то добычей сырья занимаются лишь в меньшинстве нигерийских штатов. Размышляя о распределении нефтяной ренты, их элиты предлагали делить ее по «принципу деривации»: чем больше углеводородов добывается на конкретной территории, тем больший кусок общенационального пирога должен ей принадлежать. Понятно, что штаты, обделенные ископаемым топливом, решительно воспротивились подобной идее, предлагая вместо нее распределять нефтедоллары исходя из численности населения каждого штата. В 1970 году федеральное правительство установило схему, призванную, как предполагалось, удовлетворить и тех и других: по «принципу деривации» предлагалось делить 45% всех доходов, получаемых от нефти, а оставшиеся 55% предписывалось передавать в распоряжение центрального правительства. Деньги, получаемые федерацией, делились в свою очередь на две равные части: одна шла напрямую в государственную казну, а другая отправлялась на специальный распределительный счет. Первая половина поступлений на этот счет делилась между штатами поровну, а вторая половина распределялась между ними согласно численности населения.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

Одновременное функционирование в стране трех дюжин самостоятельных бюрократий нередко оборачивается тем, что представители одной и той же этнической группы, разделенной внутренними региональными границами, вступают в конфликт друг с другом, отстаивая интересы соревнующихся административных единиц.

Эта конструкция, однако, функционировала недолго, поскольку ею были недовольны не только обделенные нефтью территории, но и, что гораздо важнее, сами военные власти, патронажное могущество и коррупционный потенциал которых из-за нее снижались. По этой причине 45%, охватываемые «принципом деривации», в середине 1970-х были урезаны до 20%, а к 1979 году и вовсе упразднены; федеральное правительство отныне делило углеводородные деньги самостоятельно. Как и в прежние времена, сопряжение доходов, получаемых штатами, с численностью населения сослужило Нигерии дурную службу: когда правительство Говона в 1973 году попыталось провести перепись населения, почти в точности по-

вторилась история десятилетней давности: штаты, желая как можно теснее прильнуть к нефтяной кормушке, всеми силами накручивали свои демографические показатели, опять выставляя Нигерию на посмешище. Итоги переписи выявили столь небывалый прирост населения, что военные просто положили их под сукно, не рискнув обнародовать¹⁰⁶.

Невероятное, даже по местным меркам, казнокрадство, пронизавшее всю деятельность администрации Говона, особенно в годы нефтяного бума, лишило его режим остатков той популярности, которую он приобрел, разгромив сепаратистов Биафры. В июле 1975-го Говон, находившийся в зарубежной поездке, был свергнут группой молодых офицеров, которые решили, что более достойным главой государства станет другой герой гражданской войны, выходец с Севера и генерал Муртала Мухаммед. Однако новый руководитель, взявшийся за наладку буксующей государственной машины и успевший провести административную реформу, увеличившую число штатов с двенадцати до девятнадцати, а также перенести столицу из Лагоса в Абуджу, через полгода был убит в ходе неудачной попытки государственного переворота; его преемником стал одолевший путчистов сподвижник, йоруба с Юга и тоже генерал Олусегун Обасанджо. (Как правило, правление этих двух деятелей объединяют в один период, именуемый «режимом Мухаммеда–Обасанджо».) Хотя центральным лозунгом военной администрации тех лет стало «национальное единство», наблюдатели все же критиковали правительство за негласную покровительственную предвзятость в отношении Севера: в этом свете, в частности, подчеркивалась связь Обасанджо с так называемой «мафией из Кадуны» – неформальной группой северных предпринимателей и управленцев, имевших тесные связи с федеральными учреждениями и ведомствами и извлекавших из них материальную выгоду¹⁰⁷.

Запущенный армейским командованием процесс «размножения» штатов был прерван краткой интерлюдией гражданского администрирования: в 1979 году, с избранием президентом мусульманина Шеху Шагари армия уступила бразды правления страной штатским политикам. Надо сказать, что, открывая шлюзы политической конкуренции, генералы пытались уберечь партийную систему от тех пороков, которыми за несколько лет до этого была поражена вестминстерская модель Первой республики. Вновь образуемым партиям теперь не позволялось быть узко этническими организациями: любая из них должна была оставаться открытой для всех нигерийцев и иметь филиалы в двух третях штатов. Из пятидесяти пар-

106 FALOLA T., HEATON M. *Op. cit.* P. 188.

107 *Ibid.* P. 196.

тий, которые пытались зарегистрироваться после размораживания легальной политической деятельности, состоявшегося в сентябре 1978 года, сделать это удалось лишь пяти. Двум из них – «Партии нигерийского единства» Обафемии Аволово и «Нигерийской народной партии» Ннамди Азикиве – сокрытие этнической подкладки давалось с большим трудом: эти организации, возглавляемые активистами-ветеранами довоенной поры, прочно ассоциировались с бывшим Югом и, соответственно, с йоруба и игбо. Что касается Севера, то он был представлен сразу двумя организациями – консервативной «Народной партией великой Нигерии» и прогрессистской «Партией народного искупления»: к одной из них тяготели бывшие сторонники разгромленного военными НКС, а к другой – его противники. Наконец, наибольшим приближением к модели подлинно общенациональной партии стала «Национальная партия Нигерии» (НПН), в которой кандидат в президенты (Шагари) был мусульманином, кандидат в вице-президенты – игбо, а партийный секретарь – йоруба. Именно это объединение выиграло выборы, назначенные военными, а его претендент смог заручиться требуемой законодательством поддержкой 25% избирателей в двух третях субъектов федерации.

Хотя ранее Шагари занимал пост министра финансов в военном правительстве Говона, начиналась его карьера на различных министерских должностях в кабинете министров 1960–1966 годов, который возглавлял Балева. Как и следовало ожидать, «оказавшись у власти, деятели НПН сразу же приступили к использованию федеральных ресурсов и федеральных доходов для выстраивания такой же патронажной системы, какая функционировала во времена Первой республики»¹⁰⁸. Через четыре года после того, как администрация Шагари, предварительно продемонстрировав высокий коррупционный потенциал, фальсифицировала переизбрание президента на новый срок – Шагари одолел Аволово, а его НПН получила конституционное большинство в парламенте, – армейская верхушка вновь организовала переворот, вернувшись к обычному для Нигерии положению вещей. Хотя гражданская администрация не успела создать ни одного нового штата, ей все же удалось внести свой вклад к укреплению федеративных порядков в стране: в 1979 году Вторая республика приняла новую Конституцию, в очередной раз провозгласившую Нигерию «федерацией, состоящей из штатов и столичного федерального округа»¹⁰⁹. Симптоматичным образом в ходе подготовки этого документа был поднят вопрос о введении некоторых установлений шариата в федеральное законодательство. Немусуль-

108 Ibid. P. 201.

109 См.: ADENIRAN O. *Op. cit.* P. 260.

манской общественности удалось, однако, заглушить эту инициативу, хотя уже тогда многие наблюдатели предположили, что внутринациональный конфликт в Нигерии начал смещаться из этнической плоскости в религиозную сферу¹¹⁰.

В 1983-м и 1985 годах страна пережила очередные военные перевороты, а в 1993-м администрация, которую возглавлял генерал-майор Ибрагим Бадамаси Бабангида, под давлением общества передала власть переходному гражданскому правительству, утвердившемуся всего на несколько месяцев; краткий период его пребывания у власти принято называть Третьей республикой. В июне 1993-го армия попыталась провести президентские выборы, но на них, к несчастью для поборников демократии, победил кандидат, не устраивавший военных; по этой причине диктатура без особых затей аннулировала результаты состоявшегося волеизъявления. Осенью того же года последовал новый путч и воцарение режима, который возглавлял Сани Абача, один из самых суровых нигерийских диктаторов. Лишь после его скоропостижной кончины Нигерия в 1999 году смогла избрать нового гражданского президента (которым, впрочем, оказался бывший диктатор, генерал Обасанджо, вышедший к тому моменту в отставку), а страна вступила в продолжающуюся и ныне эпоху Четвертой республики.

* * *

Объемы журнальной статьи не позволили рассмотреть в ней нынешнюю динамику федеративных отношений в Нигерии. Вместе с тем и сказанного вполне достаточно, чтобы заключить: нелегкая судьба нигерийского федерализма отчасти напоминает его тернистые пути в России. И дело не только в тех элементах сходства, которые диктуются более или менее схожей численностью населения, ресурсной зависимостью или тяготением обеих стран к авторитарным моделям управления. Главным сближающим фактором следует признать иное: ни то ни другое государство в силу своей внутренней разнородности без федерализма жить не может, но при этом оба не умеют и не хотят практиковать его должным образом. Эта модель хорошо вписывается в условную формулу «и нести тяжело, и бросить жалко»: федерализм нужен для выживания, но категорически нелюбим, его ценят национальные меньшинства, но игнорирует многонациональный правящий класс, к нему обращаются ради каких-то сиюминутных надобностей, но последовательно отторгают как непреходящую политическую ценность.

110 Подробнее о значимости религиозного фактора в нигерийской политике см. работу: VAUGHAN O. *Religion and the Making of Nigeria*. Durham; London: Duke University Press, 2016.

Так или иначе, Нигерии предстоит и впредь экспериментировать с этим удивительным политическим приспособлением – его парадоксальная природа никуда не денется, а связанные с ним обременения придется влечить на себе дальше. Поиски «нового федерализма», в которые с недавних пор погрузились нигерийские общественники и интеллектуалы, говорят по меньшей мере о двух вещах: во-первых, старые его модели, превратившие одну из крупнейших стран Африки в ристалище убийственных межэтнических конфликтов и едва не развалившие ее, дискредитировали себя и нуждаются в коренной реновации; во-вторых, само желание улучшить и отладить модель вместо того, чтобы попросту выбросить ее, свидетельствует о том, что федералистская история Нигерии отнюдь не завершена. Разумеется, рецепты, которые генерируются в этом русле, не чудотворны, но само их наличие расширяет горизонты возможностей, открывающихся перед политической системой – несмотря на серьезнейшие вызовы, с которыми она сталкивается. И в этом смысле приходится признать, что Федеративная Республика Нигерия в настоящий момент немного опережает Российскую Федерацию, где ни о каком «новом федерализме» рассуждать пока не принято.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
«БРЕМЯ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА»...

